

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Последний оракул

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс
Последний оракул

«ЭКСМО»

Роллинс Д.

Последний оракул / Д. Роллинс — «Эксмо», — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-699-42834-2

Нищий оборванец, застреленный снайпером у самых дверей штаб-квартиры спецотряда «Сигма», успевает передать командиру Грею Пирсону старинную греческую монету с изображением храма Дельфийского оракула. Убитый опознан: это Арчибальд Полк, входивший в сообщество элитных ученых, известное под названием «Ясоны». В последнее время отколовшаяся группа «Ясонов» проводила секретные эксперименты с детьми-аутистами, усиливая проявляемые ими необыкновенные способности. Однако у маленьких подопытных возникает странный побочный эффект, и его неконтролируемое развитие грозит ужасными последствиями для всего человечества. Видимо, об этом Арчибальд Полк и пытался предупредить «Сигму». Но какое отношение к этому имеет древнегреческий оракул? Чтобы понять это, Грей Пирсон и его товарищи должны разгадать тайну, окутанную веками. Новый захватывающий супербестселлер от автора «Амазонии», «Бездны», «Песчаного дьявола»!

ISBN 978-5-699-42834-2

© Роллинс Д.

© Эксмо

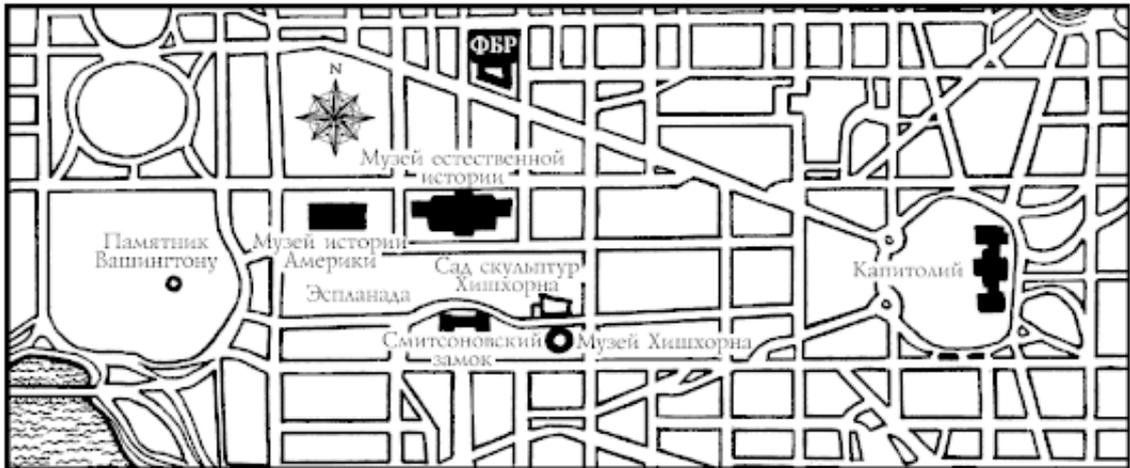
Содержание

Из исторических хроник	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	16
1	17
2	29
3	40
4	50
5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джеймс Роллинс Последний оракул

Посвящается Шей и Брайсу, потому что вы оба молоды

ЭСПЛАНАДА, ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Из исторических хроник

*Высшее благословение приходит к нам, когда мы на пути к
безумию, каковое есть святой дар.
Сократ о Дельфийском оракуле*

Древние греки, со своим пантеоном богов, свято верили в силу пророчества. Они почитали тех, кто мог прочесть предзнаменования по кишкам козла, кто провидел будущее в поднимающемся к небу дыме от погребального костра, кто предсказывал те или иные события, бросая сушеные кости. Но один из пророков пользовался наивысшим почетом – загадочный Дельфийский оракул.

На протяжении почти двух тысячелетий, со временем сменяя друг друга, в храме Аполлона на склоне горы Парнас жили женщины, которых тщательно охраняли. Раз в поколение одна из них принимала имя Пифия и занимала место на пророческом треножнике над расщелиной скалы, откуда поднимались одуряющие испарения. Под их воздействием она отвечала на вопросы о будущем – как близком, так и далеком.

В числе ее почитателей были самые заметные фигуры греческой и римской истории: Платон, Софокл, Аристотель, Плутарх, Овидий. Ее почитали даже первохристиане. На своде Сикстинской капеллы Микеланджело написал ее, предсказывающей появление Христа на земле.

Была ли она шарлатанкой, которая дурачила доверчивых, произнося загадочные фразы? Ответ на этот вопрос не имеет значения. Важно другое: почитаемая царями и завоевателями Древнего мира, Пифия своими пророчествами изменила ход истории.

И хотя большая часть того, что было связано с Пифией, осталось погребено под пластами исторических загадок и мифов, частица истины все-таки вышла на поверхность. В 2001 году археологи и геологи обнаружили странное залегание тектонических плит под горой Парнас. В нем, словно предусмотренное специально, имелось отверстие, через которое выходили пары углеводорода в сочетании с другими газами – такими, как этилен, способный вызывать у человека эйфорию, напоминающую состояние транса, и галлюцинации, подобные тем, что были описаны в исторических манускриптах.

Таким образом, хоть наука и раскрыла один из секретов Пифии, все прочее оставалось под покровом тайны.

Действительно ли оракул провидел будущее? Или это было «божественное безумие»?

Познай самого себя, и ты познаешь вселенную и богов.

Надпись на Дельфийском храме

398 год н. э.

Гора Парнас, Греция

Они пришли, чтобы убить ее.

Женщина стояла в портике храма. Она ежилась в своем тонком одеянии – простом белом полотне, прихваченном поясом на талии, но причиной тому был не предутренний холод.

Внизу, по склону горы Парнас, напоминая огненную реку, поднимался поток людей с факелами. Они шли по вымощенной мраморными плитами Священной дороге, зигзагами взбиравшейся к храму Аполлона. Их поступь сопровождалась ударами мечей о щиты. Целый легион римской когорты, пять сотен воинов. Дорога тянулась мимо разбитых и поваленных статуй и давно разграбленных сокровищниц. Все, что могло гореть, было предано огню.

Отблески пламени танцевали на руинах, и в их свете возникало иллюзорное видение лучших времен и былой славы: сокровищницы, что ломались от золота и драгоценных кам-

ней, легионы статуй, изваянных прославленными скульпторами, толпы людей, собиравшиеся, чтобы услышать пророчества оракула.

Те времена давно канули в Лету.

За последнее столетие Дельфы пришли в запустение вследствие вторжения галлов, разграбления, учиненного фракийцами, но в первую очередь из-за забвения. Теперь лишь немногие приходили, чтобы внимать словам оракула: пастух коз, желавший узнать, верна ли ему жена, или моряк в поисках добрых знамений, перед тем как предпринять путешествие через Коринфский залив.

Настал конец времен, пришли последние дни Дельфийского оракула. После тридцати лет пророчествования она станет последней, кто носит имя Пифия.

Последним Дельфийским оракулом.

Но перед тем она должна выполнить заключительную миссию.

Пифия повернула лицо к востоку, где утреннее небо начинало светлеть.

«О розовошекая Эос, богиня утренней зари, поторопи Аполлона, пусть поскорее впрягает своих четырех коней в колесницу солнца».

Одна из сестер, молодая прислужница, появилась из храма за ее спиной.

– Госпожа, идемте с нами! – взмолилась она. – Еще не поздно! Мы еще можем спастись вместе с остальными в верхних пещерах!

Пифия успокаивающим жестом положила руку на плечо девушки. Ночью остальные женщины взобрались по неровному склону к вершине горы и укрылись в пещерах Диониса. Но у Пифии здесь было еще одно, последнее дело.

– Госпожа, на то, чтобы исполнить последнее пророчество, не остается времени.

– Я должна сделать это.

– Тогда делайте прямо сейчас, пока еще не слишком поздно.

Пифия отвернулась.

– Нужно дождаться рассвета седьмого дня.

Когда накануне вечером солнце опустилось за горизонт, она провела все необходимые приготовления: совершила омовение в источнике Кассотиды и сожгла листья священного лавра на большом алтаре из черного мрамора, стоявшем напротив храма. Она в точности следовала ритуалу – тому самому, который выполнила самая первая Пифия много тысяч лет назад.

Только сейчас оракул была не одна в ходе этой церемонии очищения.

Рядом с ней находилась девочка, лишь недавно встретившая свое двенадцатое лето.

Такое маленькое существо и такое странное.

Девочка стояла обнаженной в водах источника, пока старшая женщина омывала и умащивала ее кожу. Она не произнесла ни слова, просто стояла, сжимая и разжимая пальцы, словно пыталась ухватить что-то, видимое только ей. Какой бог подверг ребенка столь суровому наказанию и при этом благословил его? Уж точно не Аполлон. Поскольку слова, произнесенные девочкой тридцать дней назад, могли быть продиктованы только богом. Слова, которые быстро распространились и зажгли факелы, поднимавшиеся сейчас по склону горы.

О, лучше бы этого ребенка сюда не приводили!

Пифия помнила слова, произнесенные одной из ее предшественниц, умершей много веков назад. Это было грозное предостережение. Император Август спросил ее:

– Почему оракул стал столь молчалив?

Сестра ответила:

– Иудейский юноша, бог, который правит благословенными, велит мне покинуть этот дом...

Эти слова оказались воистину пророческими. Культ Христа разрастался, грозя поглотить всю империю и не оставляя надежд на возвращение прежней жизни.

И вот месяц назад к ступеням храма привели эту странную девочку.

Пифия отвернулась от огней и стала смотреть в сторону адитона, внутреннего святилища храма Аполлона. Там ее ждала девочка.

Она была сиротой родом из далекого города Киос. Люди веками приводили сюда таких детей, желая переложить тяготы по их воспитанию на плечи сестер. Большинство из них отправляли обратно, позволяя остаться лишь идеальным – со стройными ногами, красивыми руками, ясным взглядом и, конечно же, девственным. Аполлон ни за что не принял бы для своего пророческого духа сосуд более низкого качества.

Поэтому, когда эта тонкая, словно тростинка, девочка появилась обнаженной на ступенях храма, Пифия сначала едва удостоила ее взглядом. Ребенок был запущенным, спутанные темные волосы висели неопрятными космами, кожа испещрена оспинами. И все же под неприглядной оболочкой Пифия ощутила нечто глубоко спрятанное. В том, как девочка беспрестанно раскачивалась вперед и назад, в ее глазах, которые хотя и смотрели, но ничего не видели.

Ее опекуны заявили, что девочка обладает божественным даром, что она может сказать, сколько оливок на дереве, лишь взглянув на него, или определить, когда обьягнется овца, просто прикоснувшись к животному.

После того как Пифия выслушала эти истории, у нее пробудился интерес к ребенку. Стоя на ступенях храма, она велела девочке подойти к ней. Та повиновалась, но двигалась так, словно тело ей не принадлежало, будто вверх по лестнице ее нес ветер.

– Ты можешь назвать мне свое имя? – спросила ребенка Пифия.

– Ее зовут Антея, – ответил за девочку ее опекун, стоявший внизу.

Пифия не сводила с девочки глаз.

– Антея, ты знаешь, зачем тебя сюда привели?

– Твой дом пуст, – пробормотала наконец девочка, глядя в пол.

«Что ж, она хотя бы умеет разговаривать».

Пифия бросила взгляд внутрь храма. В центре главного зала горел вечный огонь. Сейчас там действительно было пусто, но слова, которые прошептала девочка, подразумевали нечто большее.

Возможно, такова была ее манера поведения – такая странная, такая далекая, словно одной ногой она стояла в этом мире, а другой – за его пределами.

Ребенок посмотрел на Пифию своими ясными голубыми глазами, полными невинности. Этот взгляд никак не вязался со словами, сорвавшимися с губ девочки в следующий момент:

– Ты – старая. Ты скоро умрешь.

Опекун попытался бранить ее, но ответ Пифии прозвучал мягко:

– Мы все когда-нибудь умрем, Антея. Так устроен мир.

Девочка покачала головой.

– Только не иудейский юноша.

Эти странные глаза буравили ее, и Пифии показалось, что волоски на ее руках зашевелились. Вне всякого сомнения, девочку обучили основам культа Христа и кровавого креста. Но – снова эти слова. Какое странное совпадение!

Иудейский юноша...

Точно так же сказала ее предшественница, пророчившая роковой конец.

– Но придет другой, – продолжала девочка. – Другой юноша.

– Другой юноша? – Пифия склонилась к ребенку. – Кто он? Откуда?

– Из моих снов. – Антея потерла ухо ладонью.

Ощув в девочке неизведанные глубины, Пифия решила окунуться в них.

– Этот юноша, – проговорила она, – кто он?

То, что девочка произнесла затем, заставило собравшихся вокруг людей дружно выдохнуть. Даже они могли распознать святотатство, услышав его.

– Он брат иудейского юноши. – Ребенок крепко прижался к подолу одеяния Пифии. – В моих снах он горит... И он сожжет все. Ничего не останется. Даже Рима.

В течение последнего месяца Пифия пыталась узнать побольше о страшном будущем, которое сулила девочка. Она даже ввела ее в круг сестер. Но Антея лишь глубже уходила в себя, замыкалась и отказывалась говорить. И все же существовал один способ узнать правду.

Если девочка и впрямь несла в себе божественное благословение, сила дыхания Аполлона, его пророческие испарения могли высвободить то, что таилось в странности ребенка.

Но хватит ли ей времени?

Легкое прикосновение к локтю отвлекло Пифию от размышлений и заставило вернуться к реальности.

– Госпожа, солнце... – проговорила юная прислужница.

Пифия взглянула на восток. Небо уже сияло, возвещая о скором появлении светила. Снизу доносились крики римских солдат. Слух о необыкновенной девочке распространился быстро. Ее пророчества о неизбежном конце Рима проделали далекий путь и достигли ушей императора. Имперский посланец потребовал, чтобы ребенок был доставлен в Рим, объявив, что девочка одержима бесами.

Пифия отказалась. Боги послали девочку к ее порогу, в храм Аполлона. Пифия не отдаст Антею, не подвергнув ее прежде испытанию и не получив ответы на свои вопросы.

На востоке первые лучи восходящего солнца пронзили небо.

Седьмой день седьмого месяца наступил.

Они ждали достаточно долго.

Она вошла в храм. Здесь ее тоже встретили языки пламени, но они источали доброе тепло, исходящее из сердца святилища. Огонь стерегли две пожилые сестры. Они были слишком стары, чтобы преодолеть трудный подъем к вершине горы. Пифия с благодарностью кивнула каждой из них и поспешила в адитон – подземное святилище, куда было позволено входить лишь тем, кто служит оракулу.

По мере того как она спускалась по ступеням, мрамор уступил место известняку. Лестница привела ее в маленькую пещеру. Ее нашел много столетий назад козий пастух, который, приблизившись к входу в пещеру, ощутил сладкое дыхание Аполлона, после чего его посетили странные видения.

Переживут ли эти дары еще один восход солнца?

В пещере Пифию ждала девочка. Одетая в большую, не по размеру тунику, она сидела, скрестив ноги, рядом с бронзовым треножником, на котором покоился омфал – священный камень в виде половины яйца, обозначающий пуп земли, центр вселенной.

Кроме него в пещере имелся еще один высокий стул в виде золотого треножника. Он стоял над расселиной в полу. Пифию, хотя она давно привыкла к поднимававшемуся из нее дыханию Аполлона, каждый раз поражало благоухание, напоминающее запах цветущего миндаля.

Дыхание бога, его пророческая пневма.

– Пора, – сказала она молодой сестре, спустившейся вместе с ней в адитон. – Дай мне ребенка.

Пифия подошла к треножнику и села на стул. Поднимавшиеся из расселины испарения, то самое дыхание Аполлона, окутали ее.

– Торопись.

Молодая сестра подняла девочку с пола пещеры и посадила ее на колени Пифии. Та обняла ее нежно, как мать обнимает ребенка, но Антея не ответила на эту ласку.

Пифия уже ощущала действие испарений, поднимавшихся из трещины в полу. По рукам и ногам пробежала знакомая дрожь, ее горло, в которое входил Аполлон, горело, зрение стало туманиться.

Но девочка была меньше, и поэтому испарения действовали на нее сильнее. Пифия понимала, что ребенок не сможет долго выдерживать дыхание Аполлона. Однако, если существовала хоть какая-то возможность получить от девочки ответ, она должна воспользоваться ею.

– Дитя, – заговорила Пифия, – Расскажи нам больше об этом юноше и пророчестве конца, которое он нашептал тебе. Где он поднимется?

– Из меня, – еле слышно сорвалось с маленьких губ. – Из моих снов.

Маленькие пальчики нашли руку Пифии и стиснули ее.

С губ девочки продолжали падать слова:

– Твой дом опустел... твои источники пересохли. Но начнет бить новый источник провидения.

Руки Пифии крепче сжали тело девочки. Слишком долго храм умирал медленной смертью.

– Новый источник... – В ее голосе прозвучала надежда. – Здесь, в Дельфах?

Губы девочки двигались, но слов не было слышно. Пифия встряхнула ребенка.

– Где?

Девочка подняла прозрачную руку и положила ее себе на живот. В тот же момент Пифию посетило видение: звонкий серебристый ключ бьет из пупка девочки, из самой ее утробы. Новый источник. Но было ли это видение послано Аполлоном? Или его породила надежда, жившая в ее душе?

Пронзительный крик заставил ее вздрогнуть. Послышались грубые голоса. По ступеням в пещеру скатилась фигура в белом. Это была одна из старух, стороживших священный огонь. Она прижимала руку к плечу, а между ее пальцами торчал наконечник стрелы. Из-под ладони текла алая кровь.

– Слишком поздно! – крикнула женщина и рухнула на колени. – Римляне...

Пифия слышала слова сестры, но продолжала оставаться в трансе, вызванном испарениями. Внутренним взором она видела девочку, из которой бил прозрачный ключ, новый источник пророческой силы. Но одновременно с этим Пифия ощущала вонь от факелов римлян. Кровь и дым вошли в ее видение. Теперь из источника бежала тонкая черно-красная струйка и текла в будущее.

Ребенок внезапно обмяк на ее руках, окончательно заблудившись в испарениях. Пифия же видела темный поток, истекающий из черной фигуры... Тени юноши. Позади него бушевало пламя.

В ее мозгу эхом прозвучали слова, произнесенные девочкой месяц назад. «Брат иудейского юноши... Тот, кто подожжет весь мир».

Пифия держала безжизненное тело девочки. Пророчество ребенка сулило страшный конец и одновременно спасение. Может, было бы лучше отдать ее имперскому легиону и положить конец столь неопределенному будущему здесь? Сверху доносились все те же грубые голоса. Искать спасения было уже негде. Разве что в смерти.

Она все еще была захвачена видением.

Ребенка послал Аполлон. Послал Пифии.

«Начнет бить новый источник...»

Она сделала глубокий вдох, впуская в себя Аполлона.

«Что я должна делать?»

Римский центурион пересек зал. Он получил ясный приказ: убить девочку, предрекавшую конец империи. Прошлой ночью они захватили одну из храмовых прислужниц, и под кнутом, прежде чем он отдал ее на потеху своим солдатам, она призналась, что ребенок все еще находится в храме.

– Принесите факелы! – крикнул он. – Обыщите каждый угол!

Его внимание – и меч – привлекло движение в задней части зала. Из тени вышла женщина. Пошатываясь и спотыкаясь на каждом шагу, она шла как слепая. На ней был белый хитон, а голову украшал венок из лавровых ветвей.

Он знал, кто стоит перед ним.

Дельфийский оракул.

Центурион подавил дрожь страха. Подобно многим другим солдатам, он до сих пор втайне был подвержен старым суевериям. Он даже приносил быков в жертву богу Митре и совершал омовения в их крови. Избавиться от этого было невозможно.

– Кто посмел осквернить храм Аполлона? – воскликнула она.

Ощущая на себе тяжелые взгляды солдат, центурион приблизился к женщине.

– Приведи девчонку, – потребовал он.

– Ее нет. Вам до нее не добраться.

Центурион знал, что это невозможно. Храм был окружен.

И все же беспокойство толкало его вперед.

Оракул преградила ему путь к ступеням и уперлась ладонью в его нагрудник.

– Мужчинам запрещено входить в адитон!

– Только не императору. А я здесь – по его указу.

Женщина отказывалась пропустить его.

– Ты не пройдешь!

У центуриона был приказ, заверенный печатью императора Феодосия, который ему вручил императорский сын Аркадий. Старые боги должны замолчать, их храмы – исчезнуть. По всей империи, включая Дельфы. Однако помимо этих указаний центурион получил еще одно.

И он его выполнит.

Он глубоко, по самую рукоять, вонзил меч в живот оракулу. Из ее горла вырвался хрип, и она повалилась ему на плечо, как падает женщина в объятия возлюбленного. Центурион грубо оттолкнул ее от себя.

Кровь выплеснулась на его доспехи и на пол.

Оракул упала на мраморные плиты и перекатилась на бок. Дрожащая рука протянулась к луже ее собственной крови и осталась в ней.

– Новый источник... – прошептала женщина, словно давая кому-то обещание.

А затем ее сковала смерть.

Перешагнув через мертвое тело, центурион спустился по лестнице в маленькую глухую пещеру. В черном озерце крови лежал труп старухи, пронзенной стрелой. Возле трещины в полу валялся опрокинутый трехногий стул. Обшаривая пещеру глазами, центурион сделал полный оборот вокруг своей оси.

Это невозможно, но...

Пещера была пуста.

Март 1959 года

Карпатские горы, Румыния

Майор Юрий Раев выбрался из кабины «ЗИС-151» и спрыгнул на дорогу, изрытую глубокими колеями. Его ноги дрожали. Чтобы хоть немного прийти в себя, он оперся о зеленую стальную дверь потрепанного грузовика, одновременно проклиная и благодаря его. От тряски, не прекращавшейся на протяжении всей недели их блуждания по горам, у него болел позвоночник. Ему казалось, что даже коренные зубы расшатались и теперь свободно болтаются в челюсти. И все же именно этот раздолбанный грузовичок, преодолев все каменистые подъемы и затопленные разливами рек дороги, привез их сюда, к затерянному в горах цыганскому поселку.

Раздавшийся грохот заставил его оглянуться. Это упал задний борт кузова, и оттуда посыпались солдаты в черно-белом. Их зимние маскхалаты сливались со снегом и гранитом густо поросших лесом гор. В воздухе все еще висели клочья утреннего тумана, напоминавшие привидения.

Мужчины ругались и топали ногами, пытаясь согреться. Тут и там вспыхивали огоньки – солдаты закуривали и, клацая затворами, готовили автоматы Калашникова к возможному бою. Являясь основной группой, они двигались в арьергарде, и именно они должны были выполнить главную задачу. Остальные силы осуществляли функцию поддержки.

Юрий повернулся к своему заместителю, лейтенанту Добрицкому. Это был коренастый украинец с изрытым оспинами лицом и сломанным носом. Он тоже был облачен в маскхалат. Вокруг глаз у него остались красные круги от защитных очков.

– Майор, лагерь оцеплен.

– Это они? Те, кого мы ищем?

Добрицкий пожал плечами, предоставив командиру самому делать выводы. У них уже была одна ложная тревога, когда, устроив налет на зимовку, они обнаружили там только оголодавших крестьян, зарабатывавших на жизнь непосильным трудом на каменоломнях.

Юрий хмуро огляделся. Эти горы были словно из другой эры. Как будто вернулся каменный век с его убогостью и суевериями. Но при этом лесистые горные склоны представляли собой прекрасное убежище для тех, кому по какой-то причине было необходимо спрятаться.

Юрий отошел в сторону и стал смотреть на изгиб раскисшей земляной полосы, которую при всем желании было трудно назвать дорогой. Головные машины размесили грязь и снег, оставили на ней глубокие колеи. Сквозь деревья Юрий увидел штук двадцать тяжелых мотоциклов «Урал» с колясками, в которых сидели вооруженные солдаты. Он прибыли сюда заранее и окружили становище, перекрыв все возможные пути бегства.

В это удаленное место их привели слухи и признания, полученные под пытками. И все же, чтобы найти его, понадобилось облазить чуть ли не все Карпаты и сжечь несколько хуторов. Только таким способом можно было отогреть замерзшие языки местных крестьян. Мало кто проявлял желание говорить о карпатских цыганах, особенно об этом изолированном от других племени, о котором шепотом рассказывали страшные истории, то и дело упоминая стригоев и мороев – злых духов и ведьм.

Неужели он их все же нашел?

Лейтенант Добрицкий переминался с ноги на ногу.

– Что теперь, майор?

Раев заметил, как скептически кривятся губы украинца. Хотя на плечах Юрия были погоны майора Советской Армии, он не являлся солдатом. Раев был на целую голову ниже Добрицкого, с заметным животиком и рыхлым лицом. Призванный в армию из Ленинградского государственного университета, он дослужился до звания майора, работая в различных научно-исследовательских учреждениях Министерства обороны СССР. В двадцать восемь лет он уже возглавлял лабораторию биофизики Государственного института медико-биологических исследований Российской академии наук.

– Где капитан Мартова? – спросил Юрий.

Представитель военной разведки обычно держалась возле Добрицкого, зорко наблюдая за всем происходящим.

– Она ждет нас у входа в становище.

Добрицкий упрямо шагал по центру раскисшей дороги. Юрий предпочел обочину, где землю подморозило и идти было легче. Когда они поднялись на очередное возвышение, лейтенант указал на становище, угнездившееся в глубокой впадине между отвесными утесами и окруженное черным лесом.

– Цыгане, – прорычал Добрицкий. – Как вы хотели.

Но то ли это племя?

Впереди виднелись цыганские кибитки, размалеванные выцветшими зеленой и черной красками, с колесами выше человеческого роста. По крайней мере, выше Юрия. В некоторых местах краска отслоилась, и из-под нее выглядывали более веселые, радостные цвета – напоминание о лучших временах. Деревянные кибитки были завалены снегом и обросли сосульками, мороз разрисовал их окна замысловатыми узорами. Черные круги обозначали старые кострища. Два костра горели в глубине становища и сейчас, вздымая языки пламени выше самых высоких кибиток. Одна из них была сожжена, и от нее остался лишь обугленный остов. В сторонке, рядом со штабелем досок и грудой камней, грустно свесив головы, стояли низкорослые стреноженные лошади. По становищу слонялись козы и несколько овец.

Солдаты взяли поселение в кольцо. Там и сям валялись трупы в одежде, больше похожей на лохмотья, и меховых полушубках. Те, кто остался в живых, выглядели немногим лучше. Обитателей становища выгнали из кибиток и прочных палаток. Из глубины лагеря доносились крики – солдаты гнали оставшихся цыган. Послышались автоматные очереди. Это стреляли «Калашниковы». Юрий смотрел на толпу людей с мрачными глазами. Некоторые женщины стояли на коленях. Смуглые, темноволосые мужчины не сводили с незваных гостей суровых, непреклонных взглядов. Многие были ранены, истекали кровью, у других были сломаны руки или ноги.

– Где все дети? – спросил Юрий.

Ответ раздался с другой стороны, произнесенный голосом острым и ломким, как лед, покрывавший горные вершины:

– Они забаррикадировались в церкви.

Юрий повернулся к произнесшей эти слова женщине, капитану Савине Мартовой, офицеру разведки, прикомандированной к их группе. На ней была черная шинель с воротником, отороченным мехом русского волка, с тоном которого прекрасно сочетались ее темные волосы.

Подняв тонкую руку, она указала на крутой склон позади кибиток и палаток. Там возвышалась церковь, единственное прочное строение в поселке. Сложенная из собранных здесь же камней, она сливалась с окрестными склонами.

– Когда наши подразделения прибыли сюда, дети уже спрятались в этой церквушке, – сообщила Савина.

Добрицкий согласно закивал.

– Должно быть, услышали звук мотоциклетных моторов.

Взгляды Савины и Юрия встретились. В ее зеленых глазах плясал утренний свет. У офицера разведки имелись собственные соображения. Именно она принесла в институт, где работал Юрий, кипы бумаг, ноутбуки и распечатки с информацией, захваченной при освобождении Освенцима и касавшейся в основном экспериментов доктора Йозефа Менгеле. Ангела Смерти, как его называли в концлагере.

После того как Юрий ознакомился с этими материалами, ему стали сниться кошмары, от которых он с криком просыпался в холодном поту. Широко известно, что Менгеле проводил ужасные эксперименты на заключенных, но больше всего он любил использовать в качестве подопытных кроликов цыган и их детей. Перед тем как приступить к экспериментам, он гладил ребенка по головке и угощал его шоколадкой. Детишки называли его «дядя Пепе». В конце концов он убил всех детей, которые оказались в его распоряжении, но прежде, чем это случилось, ему удалось обнаружить уникальную пару близнецов. Девочек, похожих друг на друга как две капли воды, Сашу и Мину.

Менгеле скрупулезно записывал все, что было связано с необыкновенными близняшками: возраст, происхождение, родословную. Чтобы выяснить дополнительные детали, он подверг пыткам их семью и близких. Но поскольку война близилась к концу, доктор был вынуж-

ден свернуть свои эксперименты, не успев довести их до конца. Он убил девочек-близняшек, сделав им инъекции хлороформа в сердце.

Менгеле выразил охватившее его огорчение в короткой, сделанной небрежным почерком записи в самом конце своих дневников.

«Wenn ich nur mehr Zeit gehabt hätte...»

«Если бы у меня было больше времени...»

– Вы готовы? – спросила Савина у Юрия.

Тот кивнул.

В сопровождении Добрицкого и еще одного солдата они вошли в становище. Им пришлось перешагнуть через труп, лежавший вниз лицом в луже замерзшей крови.

Впереди показалась церковь. Она была сложена из камней и не имела окон. Единственная дверь, сделанная из крепких бревен и обшитая медными листами, была закрыта и заперта изнутри. Рядом с ней стояли двое солдат со стальным тараном.

Добрицкий взглянул на Юрия.

Тот кивнул.

Солдаты размахнулись тараном и ударили им в дверь. Полетели щепки. После еще двух ударов дверь с грохотом открылась.

Первой вошла Савина, следом за ней тенью скользнул Юрий.

Темное пространство церкви освещалось маленькими масляными лампами. По обеим сторонам стояли ряды скамеек, впереди возвышался алтарь. На лавках, неправдоподобно молчаливые, сидели дети всех возрастов.

Идя к алтарю, Юрий рассматривал детей. Многие из них были отмечены тем или иным физическим уродством. Одни были микроцефалами с крохотными головами, другие – карликами, третьи имели заячью губу. Один ребенок представлял собой обрубок без рук. Близкородственное скрещивание. По коже Юрия побежали мурашки. Неудивительно, что местные жители боялись этих цыган и рассказывали сказки о духах и чудовищах.

– Как вы узнаете, те ли это дети? – спросила Савина.

Юрий процитировал фразу, произнесенную под пытками и записанную Менгеле:

– Логово шовихани¹.

Так называлось место, где появились на свет близнецы и которое цыгане хранили в секрете со времен возникновения своих первых племен.

– Это они? – не отставала Савина.

Юрий покачал головой.

– Я не знаю.

Он направился к девочке, сидевшей возле алтаря и прижимавшей к груди тряпичную куклу. Одежда на ней была немногим лучше, чем на кукле. Приблизившись, Юрий заметил, что ребенок выглядит вполне здоровым и не имеет каких-либо видимых физических дефектов; чистые голубые кристаллы ее глаз светились изнутри.

Большая редкость у цыган.

В точности как у близняшек Саши и Мины.

Юрий присел перед ней на корточки. Она будто не замечала взрослого мужчины и смотрела сквозь него. Юрий почувствовал, что с этим ребенком что-то не так и это «что-то», возможно, хуже любых физических уродств.

Хотя ее взгляд был устремлен в какие-то невидимые никому дали, она протянула к нему руку и прошептала тонким голоском:

– Дядя Пепе.

¹ Шовихани – цыганская колдунья. (Здесь и далее прим. перев.)

Юрия окатила волна страха. Дядя Пепе... ласковое имя, которым называли Йозефа Менгеле цыганские дети. Но эта девочка была слишком мала, она просто не могла побывать ни в одном из концлагерей.

Он смотрел в ее пустые глаза. Знал ли этот ребенок о его намерениях? А если да, то откуда? В мозгу Юрия вертелись слова Менгеле.

«Если бы у меня было больше времени...»

Перед Юрием подобной проблемы не стояло. В распоряжении его команды будет столько времени, сколько понадобится. В укромном месте, подальше от посторонних глаз, уже строилась лаборатория.

Савина подошла ближе. Ей был нужен ответ.

Юрий знал правду. Она открылась ему в тот же миг, когда он заглянул в лицо этой девочки. И все же он колебался.

Савина прикоснулась к его локтю.

– Майор?

Обратной дороги не было, и, хотя Юрий знал о том, какой кошмар последует за этим, он кивнул и ответил:

– Да, это шовихани.

– Вы уверены?

Юрий снова кивнул, не отводя взгляда от голубых глаз девочки. Он словно сквозь туман слышал, как Савина приказала Добрицкому:

– Посадите всех детей в грузовик. Остальных – уничтожьте.

Юрий не стал отменять эти приказы. Он слишком хорошо знал, для чего они находятся здесь.

Девочка по-прежнему держала руку на весу.

– Дядя Пепе, – повторила она.

Он взял маленькие пальчики в свою ладонь. Отпираться не было смысла, прятаться – тоже.

«Да, это я».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Наши дни

5 сентября, 13 часов 38 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Не каждый день у тебя на руках умирает человек.

Коммандер Грей Пирс шел через вашингтонскую Эспланаду², когда ему повстречался бездомный. Грей и без того находился в отвратительном настроении, только что пройдя через одну словесную баталию и направляясь навстречу другой, а полуденная жара еще больше усиливала его раздражение на весь окружающий мир. Город задыхался от обычного для этого времени года зноя, и тротуар был пуст. Одетый в незаправленную полотняную рубашку и джинсы, коммандер мог бы оценить свое состояние с помощью кулинарного термина, который употребляют официанты, говоря о бифштексе: «хорошо прожаренный».

Примерно за полквартила он заметил исхудавшую фигуру, которая плелась ему навстречу. На бездомном были мешковатые джинсы с завернутыми до колен штанинами и поношенные армейские ботинки, зашнурованные лишь до половины. Несмотря на жару, он кутался в мятый пиджак. Когда мужчина подошел ближе, Грей обратил внимание на седину в его спутанной бороде и выцветшие, покрасневшие глаза. Бездомный беспокойно озирался по сторонам.

Появление в этом районе подобных попрошаек не было редкостью, тем более что празднование Дня труда закончилось только вчера. Туристы разошлись по своим гостиницам, полицейские, следившие в эти дни за порядком, – по близлежащим барам, а дворники уже закончили убирать горы мусора, наглядное свидетельство происходившей здесь гульбы. Остались только бродяги, которые надеялись найти в траве оброненные монетки или рылись в мусорных баках в поисках пустых бутылок и алюминиевых банок. Они напоминали крабов, сдирающих клешнями остатки плоти с уже истлевшего скелета.

Грей не уклонился от встречи с бродягой и продолжал идти по Джефферсон-авеню по направлению к Смитсоновскому замку, каковой и являлся конечной точкой его пешего путешествия. Он даже встретился с нищим взглядом, чтобы определить, не представляет ли тот угрозы, да и просто зафиксировать его существование. Хотя среди попрошаек было предостаточно жуликов, которые только прикидывались нищими, большинство из них оказались на улицах вследствие жизненных неудач, пристрастия к алкоголю и наркотикам или психических заболеваний. Было среди них и немало ветеранов вооруженных сил.

Грей не отвел взгляд в сторону, и, возможно, именно поэтому глаза другого мужчины вспыхнули.

Под грязью и морщинами, покрывавшими его лицо, Грей прочитал облегчение и надежду. После того как бездомный увидел Грея, его походка стала более твердой и целеустремленной. Возможно, он боялся, что его добыча скроется в замке раньше, чем он успеет настичь ее. Руки бездомного дрожали. Он был либо пьян, либо с сильного похмелья.

К Грею протянулась рука ладонью вверх.

Это был универсальный жест, и от трущоб Бразилии до бульваров Бангкока он означал одно: «Помогите мне! Пожалуйста!»

Грей сунул руку в карман блейзера, намереваясь вынуть бумажник. Многие друзья упрекали его в наивности, оттого что он подает милостыню попрошайкам. «Эти типы все равно потратят твои деньги на выпивку или наркоту», – говорили они, но Грея это не волновало.

² Эспланада Вашингтона – парковая и пешеходная зона, окаймленная зданиями Смитсоновских музеев, протянувшаяся к западу от Капитолия к мемориалу Линкольна.

Не ему судить. Он просто помогал другому человеческому существу, попавшему в беду. Если тебя просят о помощи, помощи – таков был его принцип. И еще, говоря по совести, подобная благотворительность, возможно, шла на пользу и ему, помогая заглушить чувство вины, таившееся в таких глубинах его сознания, в которые он не осмеливался заглядывать.

И стоила эта индульгенция всего-то пару баксов.

Выгодная сделка.

Он заглянул в бумажник. Одни двадцатки. Он только что получил их в банкомате на станции метро. Грей передернул плечами и вытащил из бумажника купюру с портретом Эндрю Джексона.

Что ж, иногда очищение обходится дороже, чем в пару баксов.

Когда они поравнялись, Грей поднял левую руку с двадцаткой навстречу поднятой руке нищего и вдруг увидел, что его рука не пуста. В центре его ладони лежала потускневшая монета размером примерно в половину долларовой.

Грей недоуменно наморщил лоб.

Впервые нищий пытался дать милостыню ему!

Прежде чем он успел понять, что происходит, бездомный повалился на Грея, словно кто-то толкнул его сзади. Рот бедолаги открылся, будто от удивления, приняв форму буквы «О». Он упал на Грея, и тот инстинктивно подхватил пожилого мужчину.

Бродяга оказался легче, чем ожидал Грей. Под одеждой, куда ни прикоснешь, ощущались только кости, будто это был не человек, а скелет, одетый в пиджак и джинсы. Рука бездомного прижалась к щеке Грея. Она была чудовищно горячей, и на мгновение командера обуял страх: а вдруг старик болен какой-нибудь смертельной инфекционной болезнью? Но он все же не выпустил тело, безвольно обвисшее на его руках.

Грей перехватил бедолагу, чтобы его было удобнее тащить, и тут его левая рука, обнимавшая бездомного за спину, ощутила что-то теплое и липкое.

Кровь.

Подчиняясь инстинкту, Грей кинулся вбок, упал и скатился с тротуара, не отпуская нищего. Густая трава смягчила их падение.

Следующих выстрелов Грей не услышал, но в то место на асфальте, где он только что находился, впилась и, выбив искры, отрикошетила две пули. Не останавливаясь, он продолжал катиться по траве – до тех пор, пока не оказался за монументальным, сооруженным из бетона и стали знаком, стоявшим на лужайке перед Смитсоновским замком. Он был высотой по пояс, и Грей укрылся за ним вместе с оборванцем, которого продолжал прижимать к себе. На знаке красовалась надпись: «СМИТСОНОВСКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР».

Очень кстати. Если Грей сейчас в чем-то и нуждался, то именно в информации.

Например, относительно того, кто в него только что стрелял.

Монументальный знак, похожий на обелиск, отделял его от Эспланады, предлагая временную защиту. Само здание замка представляло собой нагромождение башен и башенок из красного песчаника, добытого в карьерах Сенека-Крик, штат Мэриленд. Норманнский замок, настоящая крепость. Чтобы укрыться в ней, нужно было преодолеть всего несколько метров, но, выйдя на это открытое пространство, они окажутся как на ладони у снайпера.

Из кобуры за спиной Грей достал пистолет, компактный «ЗИГ-Зауэр» Р229. Нет, он не видел цели, но приготовил оружие на тот случай, если нападавший предпримет прямую атаку.

Рядом с Греем застонал бездомный. Вся его спина была залита кровью. Жизнь до самого конца продолжала оставаться безжалостной по отношению к этому бедняге. Несчастный хотел попросить жалкую милостыню, а получил пулю в спину из-за того, что стрелок, целивший в Грея, промазал.

Но кто пытался убить его? И почему?

Бездомный поднял трясущуюся руку, падавшую при каждом вдохе. По местоположению входного пулевого отверстия и обильному кровотечению Грей определил, что пуля пробила почку несчастного. Смертельная рана, тем более для столь ослабленного организма.

Рука раненого протянулась к бедру Грея. Его пальцы разжались, и монета упала на траву. Предсмертный дар.

Та милостыня, которую подавал Грей, отчасти вернулась к нему.

Выполнив то, что был должен, бездомный умер. Его конечности обмякли, а голова упала на плечо Грея. Тот безмолвно выругался и так же беззвучно добавил: «Прости, старина».

Свободной рукой он нащупал в кармане сотовый телефон, достал его и нажал на кнопку экстренного вызова. Ответ последовал незамедлительно.

Грей говорил быстро, требуя от главного командования немедленно оказать ему помощь.

– Группа поддержки уже в пути, – сказал директор. – Мы видим тебя на мониторах с камер, установленных у замка. Там много крови. Ты ранен?

– Нет, – коротко ответил он.

– Оставайся там, где находишься.

Грей не стал спорить. Снайпер больше не стрелял. По крайней мере, Грей не слышал звонких ударов пуль по металлическому знаку. И все же он решил не двигаться и дожидаться прибытия подмоги.

Сунув в карман сотовый телефон, он поднял с травы монету, выпавшую из руки бездомного. Она была тяжелой, толстой и грубо отчеканенной. Мокрой от крови рукой он рассеянно потер поверхность монеты, и его взгляду предстало изображение то ли греческого, то ли римского храма с шестью колоннами, увенчанными остроконечной крышей.

– Что за черт?

В центре монеты была выбита единственная буква.

Грей подумал, что это греческая буква Ε.

Сигма.

В математике эта буква обозначает сумму слагаемых, но одновременно с этим она являлась символом организации, на которую работал Грей. Это была засекреченная, элитная спецслужба, собравшая бывших сотрудников спецподразделений, прошедших научную подготовку в различных областях знаний и выступавших теперь в роли беспощадного клинка УППОНИР – Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ.

Грей посмотрел на замок. Именно здесь располагалась штаб-квартира «Сигмы», закопанная глубоко под фундаментом Смитсоновского замка, в бункерах, оставшихся со времен Второй мировой войны. Это местоположение было идеальным для «Сигмы»: рядом находились правительственные здания, Пентагон и различные частные и государственные лаборатории.

Он вновь перевел взгляд на монету и в тот же миг осознал свою ошибку. Буква была не греческой Ε, а обычной прописной буквой «Е». В момент паники глаза сыграли с ним шутку: он увидел то, что вертелось у него в голове.

Грей сжал монету в кулаке.

Просто «Е».

Уже не в первый раз за последние несколько недель Грей принимал видимое за желаемое. По крайней мере, в этом были убеждены многие из его коллег. Вот уже месяц как он искал подтверждения того, что его пропавший друг Монк Коккалис, возможно, жив. Но до сегодняшнего дня, даже несмотря на то что он подключил к расследованию все ресурсы «Сигмы», Грей неизменно упирался в одни только тупики.

– Ты гоняешься за призраками, – предупредил его Пейнтер Кроу после первой недели поисков.

Вполне возможно, что так оно и было.

Двери замка, стоявшего через дорогу, распахнулись, и оттуда высыпали фигуры в черном и с автоматами на изготовку.

Прибыла группа поддержки.

Они перемещались осторожно, с опаской, но в них никто не стрелял.

Бойцы дошли до того места, где лежал Грей, и выстроились вдоль него защитной фалангой. Один из мужчин опустился на колени рядом с бездомным и поставил на землю чемоданчик с набором средств для оказания первой медицинской помощи.

– Мне кажется, ему это уже не потребуется, – проговорил Грей.

Врач проверил пульс раненого и подтвердил предположение командера:

– Мертв.

Грей поднялся с земли.

Появление в дверях бокового входа Пейнтера Кроу удивило Грея сверх всякой меры. Без пиджака, с закатанными по локоть рукавами рубашки, босс вышел на улицу мрачнее тучи. Хотя Пейнтер был на десять лет старше Грея, он двигался подобно матерому мускулисту волку. Для своего эффектного появления директор Кроу выбрал момент, когда риск оказался сведен к минимуму. Или же, как и Грей, он пришел к выводу, что снайпер уже смылся.

И этот человек обречен заниматься бумажной работой? Какая несправедливость!

Пейнтер подошел к Грею. В отдалении послышалось завывание полицейских сирен.

– Я на всякий случай вызвал местную полицию, – сообщил Кроу.

– Поздновато, – откликнулся Грей.

– Возможно. Но пусть баллистики определяют, откуда стреляли. За тобой был хвост?

Грей мотнул головой.

– Если и был, я его не заметил.

Пейнтер Кроу цепким взглядом осматривал Эспланаду. Кто мог напасть на Грея, да еще буквально на пороге их штаб-квартиры? Ясно одно: это предупреждение. Но против чего? Грей не был задействован в операциях «Сигмы» с того момента, когда он выполнил свое последнее задание в Камбодже.

– Мы уже взяли под защиту твоих родителей, – сказал Пейнтер. – Так, на всякий случай.

Грей благодарно кивнул, хотя и понимал, что ни отцу, ни матери это не понравится. Они только-только пришли в себя после жестокого похищения, произошедшего два месяца назад.

Однако теперь, когда непосредственная угроза миновала, Грей сосредоточился на том, кто пытался его убить и, главное, почему. Не исключено, что покушение было связано с тем расследованием, которое он вел, но неужели его поиски пропавшего друга до такой степени подействовали кому-то на нервы?

Несмотря на то что у его ног лежал мертвец, в душе Грея вспыхнул огонек надежды.

– Директор, а что, если это убийство...

Пейнтер Кроу не дал ему договорить, предупреждая подняв руку. Его брови сдвинулись в одну линию, глаза сузились. Он опустился на одно колено около трупа и осторожно повернул голову мертвеца, чтобы стало видно его лицо. Через несколько мгновений он сел на пятую точку. Вид у него был ошеломленный.

– В чем дело, сэр?

– Я думаю, мишенью был не ты, Грей.

Грей посмотрел на тротуар и вспомнил искры, которые выбили из асфальта пущенные в него пули.

– По крайней мере, ты был не главной мишенью, – продолжал директор. – Снайпер, возможно, пытался убрать тебя как потенциального свидетеля.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я знаю этого человека. Его зовут Арчибальд Полк. Он – профессор кафедры неврологии Массачусетского технологического института.

Грей скептически взглянул на желтушное тело, спутанную бороду, грязное лицо. Но директор, похоже, не шутил. Если его слова были правдой, этот бедолага в последнее время переживал не самые лучшие времена.

– Каким образом он опустился до такого безобразного состояния?

Пейнтер встал и покачал головой.

– Не знаю. Мы с ним не общались уже лет десять. Но главный вопрос – зачем кому-то понадобилось его убивать?

Грей посмотрел на труп, и его вновь охватили сомнения. Если Пейнтер прав и он не являлся главной мишенью снайпера, получалось, что покушение никак не связано с расследованием.

Внутри его вновь закипела ярость.

Какого черта! Этот человек умер на его руках!

– Он, наверное, шел сюда, – проговорил Пейнтер, взглянув на здание Смитсоновского замка. – Шел ко мне. Вот только зачем?

Грей разжал кулак. На его окровавленной ладони лежала странная монета.

– Может, чтобы отдать вам это?

14 часов 02 минуты

Не обращая внимания на надрывающиеся сирены, пожилой мужчина в пыльном сером костюме медленно брел по Пенсильвания-авеню. В одной руке он держал потертый дорожный саквояж, второй сжимал руку девочки. На малышке девяти лет от роду было надето платье, по неприглядности сравнимое с нарядом ее опекуна. Ее темные волосы были стянуты сзади красной лентой, обнажая бледное лицо; туфельки, начищенные до блеска, перепачканы засохшей грязью с игровой площадки, с которой девочку только что забрали.

– Папа, ты нашел своего друга? – спросила она по-русски.

Он сжал ее ладошку в своей руке и устало ответил:

– Да, солнышко. Только помни: здесь мы должны говорить по-английски.

Девочка не отставала.

– Он был рад тебя увидеть? – спросила она.

Мужчина вспомнил, как через оптический прицел снайперской винтовки увидел завалившееся тело.

– Рад, да еще как! Для него это было сюрпризом.

– Это уж точно. Значит, теперь мы можем вернуться домой? Марта, наверное, очень скучает без меня.

– Да, скоро мы будем дома.

– Как скоро? – раздраженно спросила она и почесала ухо.

В том месте, где она раздвинула волосы, промелькнул блеск железа.

Он опустил руку девочки и пригладил ее волосы над ухом.

– Нужно сделать еще кое-что, а потом поедем домой.

Они приближались к Десятой улице. Справа от них возвышалось здание, выстроенное из бетонных блоков, – безобразная коробка, которую кто-то безуспешно попытался украсить флагами.

Мужчина направился к входу. Он дошел до того места, куда направлялся.

До здания Федерального бюро расследований. ФБР.

15 часов 46 минут

В шкафчике спортзала, где Грей оставил свою одежду, зажужжал сотовый телефон. Покаськаясь на мокром полу, он побежал к нему.

Незадолго до этого, подробно рассказав директору Кроу о случившемся, Грей, чтобы разрядиться, спустился на тот этаж подземного бункера «Сигмы», где располагался спортзал, и в течение двух часов истязал себя спортивными упражнениями, дважды приняв душ. Это помогло ему сбросить напряжение. Но не до конца. Он был обязан найти ответы, связанные с убийством.

Добежав до своего шкафчика, он открыл дверцу и взял сотовый телефон «Блэк Берри», лежавший на полу. Наверняка звонил директор Кроу. Как только его палец приблизился к клавишам телефона, звонок умолк. Он опоздал. Грей просмотрел список звонивших. Это был не Пейнтер Кроу.

На дисплее телефона значилось: Р. Трипол.

А Грей о нем почти забыл!

Капитан Рон Трипол, из разведки Военно-морских сил США.

Капитан возглавлял спасательную операцию в районе индонезийского острова Пусат. Согласно официальной версии, ему был отдан приказ поднять на поверхность затонувшее судно «Владычица морей». В распоряжении Трипола имелись два батискафа, которые вели поиск утонувшего судна и обеспечивали охрану периметра.

Но у Грея во всей этой истории была личная заинтересованность.

Остров Пусат был именно тем местом, где в последний раз видели его друга и напарника Монка Коккалиса. Капитан Трипол обещал найти тело Монка. Он был близким другом и бывшим коллегой вдовы Монка, Кэт Брайент. Этим утром Грей уже успел съездить в НЦМР, Национальный центр морской разведки в городе Сьют ленд, что в штате Мэриленд, надеясь получить хоть какую-то информацию о своем пропавшем друге. Там его послали подальше и велели ждать окончания официального расследования. Именно по этой причине он сейчас бушевал, требуя, чтобы директор Кроу надавил на командование ВМС.

Взбешенный оттого, что его так грубо отфутболили, Грей нажал на кнопку обратного вызова и поднес трубку телефона к уху. Дождаясь соединения с НЦМР, он уселся на скамейку и стал смотреть на шкафчик, что стоял напротив. На его дверце была наклеена широкая липкая лента, а на ней черным фломастером написано имя прежнего хозяина.

КОККАЛИС.

Хотя ни у кого не оставалось сомнений в том, что Монк мертв, ни у кого при этом не хватало духу сорвать надпись. В душе каждого продолжала теплиться надежда. У всех, кроме Грея.

У него был долг перед Коккалисом.

Монк взобрался по карьерной лестнице «Сигмы» раньше Грея. Его взяли на работу в «Сигму» из «зеленых беретов», аккуратно когда Грея выпустили из Ливенуортской тюрьмы. Он отсиживал срок за то, что набил морду вышестоящему офицеру, когда служил в военно-диверсионных войсках. Монк и Грей быстро подружились, хотя и выглядели друг рядом с другом странной парочкой. Ростом Монк был всего метр шестьдесят, с наголо выбритой головой. Квадратным телосложением он чем-то напоминал питбуля, являя собой странный и немного забавный контраст с высоким и стройным Греем. Но подлинная разница между ними лежала значительно глубже, нежели просто во внешних отличиях. Легкомысленная, беззаботная манера поведения Монка время от времени бесила Грея с его стальным бескомпромиссным характером, и, если бы не возникшая между ними дружба, он просто ушел бы из «Сигмы», как в свое время ушел из рейнджеров.

В ожидании ответа Грей вспоминал своего бывшего напарника. За годы совместной службы им довелось бок о бок участвовать в бесчисленных передрягах. Напоминанием об этом являлись многие шрамы от пулевых ранений, оставшиеся на теле Монка. Во время выполнения одной операции Монк даже потерял кисть левой руки, вместо которой у него теперь был протез. В ушах Грея до сих пор звучал лающий, громогласный смех Монка... и его напряженный

голос, когда он был серьезен. Коэффициент умственного развития этого лысого коротышки приближался к уровню гениальности, он имел ученые степени в судебной медицине и естественных науках.

Как мог пропасть столь опытный и подготовленный профессионал? Причем пропасть без следа?

Наконец телефон ожил, и в трубке прозвучал резкий голос:

– Капитан Рон Трипол.

– Капитан, это Грей Пирс.

– А, командер! Хорошо, что вы позвонили. Я сам собирался связаться с вами сегодня днем. К сожалению, у меня совсем мало времени до следующей встречи.

По тону собеседника Грей уже почувствовал, что сейчас услышит что-то очень неприятное.

– В чем дело, капитан?

– Перейду сразу к сути дела. Я получил приказ прекратить поиски.

– Что-о?

– Нам удалось поднять из воды двадцать два тела. Стоматологическая идентификация показывает, что ни одно из них не принадлежит вашему человеку.

– Всего двадцать два?

Даже по самым скромным подсчетам это была лишь малая часть погибших.

– Я все понимаю, командер, но поиски тел и без того были затруднены огромными глубинами и давлением. Все дно лагуны изрезано пещерами и утыкано лавовыми трубками, которые в некоторых местах тянутся на мили, представляя собой настоящий лабиринт.

– И все же с вашим оборудованием...

– Командер, – капитан говорил твердым, непререкаемым тоном, – два дня назад мы потеряли аквалангиста, хорошего человека, у которого осталась жена и двое детей.

Грей закрыл глаза, лишь на секунду представив боль от подобной утраты.

– Обыскивать подводные пещеры означает рисковать жизнями других людей. А для чего?

Грей ничего не ответил.

– Командер Пирс, я полагаю, вы больше не получали никаких известий? Никаких новых загадочных сообщений?

Грей вздохнул.

Чтобы уговорить капитана помочь, он сослался на одно сообщение, которое получил... или, возможно, получил. Это случилось уже через несколько недель после исчезновения Монка. Что бы ни произошло там, на острове, единственной частью его друга, которую удалось найти, был протез его левой руки – настоящий шедевр биотехнологии, созданный инженерами УППОНИР, со встроенным беспроводным радиointерфейсом. Когда эту руку везли на кладбище, чтобы, за неимением остального, предать ее земле, пальцы протеза стали слабо выбивать сигнал SOS. Это продолжалось всего несколько секунд и было замечено одним только Греем. Изучив протез, техники решили, что это был всего лишь остаточный сбой сложного устройства, то, что компьютерщики называют глюком. Компьютерная система показала, что никаких команд протезу не поступало. Это был всего лишь сбой, и больше ничего. Электрический призрак, блуждавший в машине.

Но тем не менее Грей отказывался сдаваться, хотя проходила неделя за неделей.

– Командер...

Трипол ожидал ответа.

– Нет, капитан, – мрачно признался Грей, – больше ничего такого не было.

Трипол помолчал, а потом заговорил более медленно:

– В таком случае, командер, возможно, следует поставить на этом точку. Так будет лучше для всех. – Его голос смягчился. – А что с Кэт, женой вашего напарника? Как она переносит все это?

Это было самое болезненное, и Грею было мучительно сообщать Кэт о случившемся. Но разве мог он этого не сделать? Монк был ее мужем, они растили маленькую дочь Пенелопу. И все же, может, он поторопился? Кэт выслушала рассказ Грея стоически. Прямая, как струна, она стояла в черном траурном платье, и только глаза выдавали ее горе. Она понимала: надежда когда-нибудь вновь увидеть мужа слаба, почти призрачна. Кэт взглянула на Пенелопу, сидевшую в салоне черного лимузина, а затем вновь перевела взгляд на Грея. Она не произнесла ни слова, лишь покачала головой. Она не хотела цепляться за эту соломинку надежды, понимая, что, если та подведет, она не сможет пережить потерю Монка во второй раз. Это уничтожит ее, а она сейчас была и без того раздавлена. Кроме того, Кэт должна была заботиться о Пенелопе. Дочь была единственным кусочком Монка, оставшимся у нее, человечком из плоти и крови, а не каким-то фантомом.

Грей все это понял и продолжил расследование уже на свой страх и риск. С того дня они с Кэт больше не разговаривали. Это было чем-то вроде молчаливого пакта. Она не хотела слышать от него никаких новостей до тех пор, пока дело не разрешится – в ту или иную сторону. Правда, несколько вечеров с Кэт и ее крошкой провела мать Грея. Она ничего не знала про SOS, но чувствовала, что с Кэт что-то не так.

«Ее будто что-то преследует» – так она сформулировала это.

Грей знал, что преследует Кэт.

Несмотря на решение, принятое ею в тот день, она все же ухватила за тонкую ниточку надежды. То, что отнял ее разум, отказывалось отпустить сердце, и это мучило ее.

Ради блага Кэт, ради семьи Монка Грей должен примириться с жестокой реальностью.

– Благодарю вас, капитан, за все, что вы сделали, – наконец пробормотал он.

– Это вы сделали для него все, что могли, знайте это. Но наступает момент, когда нужно двигаться дальше.

Грей прочистил горло.

– И примите мои соболезнования в связи с гибелью вашего человека.

– А вы – мои.

Связь разъединилась. Грей долго стоял в молчании, а затем подошел к шкафчику напротив и положил ладонь на его холодную металлическую поверхность. Холодную, как могила.

«Мне так жаль...»

Он ухватился за краешек липкой ленты и сорвал ее.

Хватит гоняться за призраками.

«Прощай, Монк».

16 часов 02 минуты

Пейнтер, словно играя с монетой, поставил ее ребром на поверхность письменного стола и щелкнул по ней ногтем. Монета завертелась волчком, а он, глядя на ее серебряный блеск, размышлял о заключенной в ней тайне. Монету вернули из лаборатории полчаса назад вместе с детальным отчетом о результатах исследований, который Пейнтер Кроу внимательно прочитал. Было проведено тщательное лазерное исследование на предмет обнаружения отпечатков пальцев, ее металлическую поверхность и более поздние наслоения подвергли анализу с помощью спектрометра, чтобы определить содержание в ней конкретных металлов. Были также сделаны многочисленные фотографии, в том числе и при помощи стереомикроскопа.

Вращение монеты стало замедляться, а затем она и вовсе упала на поверхность стола из красного дерева. В лаборатории монету осторожно очистили, и древнее изображение на ее поверхности засияло.

Греческий храм, поддерживаемый шестью дорическими колоннами.
В центре храма красовалась большая буква.

Е

Греческая буква «эпсилон».

На обратной стороне было выбито погрудное изображение женщины, а под ним – слова: DIVA FAUSTINA. По крайней мере, теперь, после отчета экспертов, происхождение монеты больше не являлось тайной.

Но какого же...

Его размышления прервал интерком, оживший на столе.

– Директор Кроу, прибыл командер Пирс.

– Очень хорошо, Brent, пусть войдет.

Пейнтер пододвинул отчет ближе к себе, и в тот же момент дверь распахнулась. Вошел Грей. Его черные волосы были мокрыми и расчесанными. Он сменил свою запачканную кровью одежду, и теперь на нем была зеленая рубашка с вышитым на левой стороне груди словом «АРМИЯ», черные джинсы и ботинки. Пейнтер сразу заметил, как мрачно лицо его подчиненного и насколько печален взгляд его синих глаз. О причине этих перемен было несложно догадаться. Пейнтер уже слышал о случившемся от своих знакомых в военно-морской разведке.

Он жестом пригласил Грея присесть.

Как только командер сел, он сразу заметил лежащую на столе монету, и в его взгляде вспыхнул интерес.

Это хорошо.

Пейнтер пододвинул монету к Грею.

– Командер, я не забыл, что вы просили разрешения отсутствовать на службе в течение неопределенного времени, – заговорил он официальным тоном, – но сейчас мне хотелось бы попросить вас заняться расследованием этого дела.

Грей даже не протянул руки, чтобы взять монету.

– Можно мне сначала задать вам вопрос, сэр?

Пейнтер кивнул.

– Тот убитый, профессор...

– Арчибальд Полк.

– Вы говорили, что он, должно быть, направлялся сюда, чтобы повидаться с вами.

Пейнтер снова кивнул. Он уже догадывался, почему Грей задает эти вопросы.

– Значит, профессор Полк был знаком с «Сигмой»? Несмотря на строжайший режим секретности, в условиях которой мы существуем и работаем, он знал о нашей организации?

– Да, в некотором смысле.

Брови Грея сошлись в одну линию.

– В каком именно?

– Арчибальд Полк придумал «Сигму».

Удивление, отразившееся на лице подчиненного, порадовало Пейнтера. Грею была необходима встряска. Тот выпрямился на стуле, намереваясь что-то сказать, но директор предупреждающим жестом поднял руку.

– Я ответил на твой вопрос, Грей. Теперь ты ответь на мой. Возьмешься ли ты за расследование этого дела?

– После того как профессора застрелили прямо у меня на глазах, мне хочется получить ответы не меньше, чем всем остальным.

– А что с твоими, гм, внеслужебными делами?

Лицо Грея на мгновение исказила мучительная гримаса. Его черты окаменели, как будто что-то внутри его болезненно сжалось.

– Полагаю, вы уже обо всем слышали, сэръ.

– Да, флотские свернули поиски.

Грей тяжело вздохнул.

– Я испробовал все, что мог, но безуспешно. Больше я ничего не могу сделать и признаю это.

– По-твоему, Монк еще жив?

– Я... Я не знаю.

– И сможешь жить с этим?

Грей не мигая встретил его взгляд.

– Я обязан.

Пейнтер удовлетворенно кивнул.

– Тогда давай поговорим о монете.

Грей протянул руку и взял монету со стола. Покрутив ее в пальцах, он внимательно изучил недавно очищенные поверхности серебряного кружка.

– Удалось ли вам что-нибудь выяснить о ней?

– Не много. Римская монета, отчеканенная во втором веке. Обрати внимание на портрет женщины, выбитый на обратной стороне. Это Фаустина Старшая, жена императора Антонина Пия. Она покровительствовала детям-сиротам и занималась благотворительностью в отношении нуждающихся женщин. Она также восхищалась сестринским обществом сивилл, женщин-прорицательниц из храма в Греции.

Пейнтер жестом предложил Грею перевернуть монету.

– На другой стороне – изображение того самого храма. Храма в Дельфах.

– Как в книге «Оракул из Дельф»? О женщинах-пророчицах?

– Совершенно верно.

Отчет на столе Пейнтера включал в себя и короткую историческую справку об оракуле. В ней подробно рассказывалось о том, как эти женщины вдыхали галлюциногенные испарения, после чего отвечали страждущим на вопросы об их будущем. Но эти пророчества представляли собой нечто гораздо большее, нежели обычное гадание, поэтому те женщины оказывали значительное влияние на Древний мир.

– На протяжении тысячелетия пророчества оракула помогли обрести свободу тысячам рабов, посеять зерна западной демократии и возвысить святость человеческой жизни. Существует даже мнение, что их слова сыграли решающую роль в том, что Греция вырвалась из мрака варварства и стала развиваться в направлении современной цивилизации.

– А что тут делает большая «Е», выгравированная в центре храма? – спросил Грей. – Насколько я понимаю, это греческая буква «эпсилон»?

– Да, и она тоже из храма оракула. Там еще были загадочные надписи: «Gnothi seauton», что переводится как...

– Познай себя, – закончил за него Грей.

Пейнтер кивнул. Как это он забыл, что Грей был отлично подкован во всем, что связано с философскими течениями Античности? Когда Пейнтер – прямо в Ливенуртской тюрьме – завербовал его для работы в «Сигме», тот занимался углубленным изучением химии и даосизма. Именно эта уникальность ума Грея Пирса и привлекла с самого начала внимание Пейнтера Кроу. Однако за столь выдающиеся способности приходилось платить. У Грея эта цена заключалась в замкнутости и неприязни к работе в команде, что он в очередной раз наглядно продемонстрировал на протяжении последних недель. Поэтому Пейнтеру было приятно видеть, что этот человек наконец вернулся к реальности и сосредоточился на насущных делах.

– Изображение загадочной буквы «Е», – Пейнтер кивнул на монету, – располагалось на фронтоне храма.

– Но что она означает?

Пейнтер пожал плечами.

– Этого не знает никто, даже сами греки. Несколько вариантов объяснения предложил древнегреческий ученый Плутарх, посвятивший этой теме отдельный труд, общий смысл которого сводился к тому, что буква «Е» имела очень большое значение. Некоторые современные ученые предполагают, что первоначально там было две буквы: «G» и «E», являвшиеся древним символом Геи, богини, олицетворяющей землю. Ведь изначально оракул принадлежал Гее.

– Не пойму одного: если значение символа столь таинственно, зачем выбивать его на монете?

Пейнтер подвинул ему отчет экспертов.

– Дополнительные детали ты сможешь узнать из этого документа. Со временем «Е» оракула стала символом культа пророчества. На протяжении веков живописцы изображали ее на своих полотнах. К примеру, на картине Никола Пуссена она изображена над головой Христа, который вручает апостолу Петру ключ от врат рая. Этот символ предположительно обозначает поворотные моменты в истории человечества, происходящие благодаря отдельным людям, будь то Дельфийский оракул или Иисус из Назарета.

Грей, не прикоснувшись к бумагам, покачал головой.

– Однако какое отношение все это имеет к мертвецу? – Он взял со стола серебряную монету. – Или, может быть, ее ценность столь велика, что из-за нее стоит убить человека?

– Нет, – мотнул головой Пейнтер, – эта монета не особенно ценна.

– Так какого же...

Грея прервал интерком.

– Директор Кроу, – послышался из него голос помощника Пейнтера, – извините, что прерываю вашу беседу...

– В чем дело, Брент?

– Поступил срочный звонок от доктора Дженнингса из патологоанатомической лаборатории. Он настаивает на немедленной телеконференции.

– Хорошо. Выведи изображение на первый монитор.

Грей поднялся, готовый уйти, но Пейнтер жестом велел ему сесть и развернулся в кресле к мониторам. В его кабинете, расположенном глубоко под землей, не было окон, но зато в нем имелись три больших плазменных экрана, установленных на стене. Его личные окна в мир. Только что они были темными, но вот тот, что располагался слева, вспыхнул.

Взглядам двух мужчин предстало изображение патологоанатомической лаборатории. На переднем плане стоял доктор Малкольм Дженнингс. Шести десяти летний руководитель управления исследований и разработок «Сигмы» был облачен в хирургический халат, прозрачное пластиковое забрало для защиты лица было сдвинуто на макушку. Позади него располагалось одно из помещений лаборатории: бетонные полы, ряды электронных измерительных приборов, а посередине, на столе, покоилось тело, стыдливо укрытое простыней.

Профессор Арчибальд Полк.

Потребовалось сделать несколько звонков в высокие инстанции, чтобы покойника отвезли не в городской морг, а в лабораторию «Сигмы». Однако Малкольм Дженнингс считался весьма авторитетным судмедэкспертом, поэтому в итоге им все же удалось заполучить тело.

По мрачному выражению на лице ученого сразу стало понятно, что возникли какие-то проблемы.

– В чем дело, Малкольм?

– Я вынужден объявить в лаборатории карантин.

Это заявление Пейнтеру не понравилось.

– Угроза заражения? – спросил он.

– Заражения – нет, но угроза определенно есть. Позвольте показать вам кое-что.

Дженнингс вышел из кадра, но они продолжали слышать его голос:

– Подозрения возникли у меня уже после первичного осмотра тела. Выпадение волос, разрушение зубной эмали, ожоги на коже... Если бы этого человека не застрелили, готов побиться об заклад, он и так умер бы в ближайшие дни.

– О чем ты толкуешь, Малкольм? – удивленно спросил Пейнтер.

Тот, видимо, не услышал вопроса. Патологоанатом вновь появился на экране, но теперь на нем был тяжелый и плотный фартук, а в руках он держал прибор с торчавшим из него черным щупом.

Грей встал и подошел поближе к монитору.

Доктор Дженнингс поводил щупом над телом мертвеца. Прибор в его руке отчаянно заверещал. Патологоанатом повернулся к камере.

– Тело радиоактивно.

2

5 сентября, 17 часов 25 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Оказавшись вновь под палящим солнцем, Грей двинулся по тротуару мимо Смитсоновского замка. Слева от него тянулась Эспланада, безлюдная из-за жары.

Позади Грея желтая полицейская лента отмечала место, где вскоре после полудня было совершено убийство. Группа криминалистов закончила работу, но место преступления все еще было перекрыто и находилось под неусыпным надзором поставленного здесь офицера вашингтонской полиции.

Грей шел на восток по Джефферсон-драйв. За ним тенью следовал здоровенный телохранитель, которого он изо всех сил пытался не замечать. Он не просил приставлять к нему охрану, и уж тем более этого бугая.

Грей прикоснулся к микрофону, укрепленному у горла, и проговорил:

– Я обнаружил след.

В ответ беспроводной наушник в его ухе разразился шипением.

Грей поправил его и сказал шепотом:

– Повторите, я не расслышал.

– Ты можешь идти по этому следу? – спросил Пейнтер Кроу.

– Да, но не знаю, как долго. Сигнал очень слабый.

Грей сам предложил этот план действий. Он посмотрел на прибор, который держал в руке, портативный дозиметр «Гамма-скаут». Вмонтированный в него счетчик Гейгера – Мюллера (трубка, заполненная галогеном) был достаточно чувствительным, чтобы улавливать даже слабое радиоактивное излучение, особенно будучи настроенным на изотопы стронция-90, обнаруженные в теле Полка. Грей предполагал, что профессор оставил за собой радиоактивный след, по которому можно восстановить его маршрут, и, похоже, не ошибся.

– Сделай все, что в твоих силах, Грей. Любая информация о том, где находился в последние дни профессор, может иметь решающее значение. Я уже пытался связаться с его дочерью, но не смог до нее дозвониться.

– Я буду идти по следу столько, сколько смогу. – Грей вздохнул. Он продолжал двигаться по тротуару вдоль Эспланады, то и дело поглядывая на прибор. – Если что-то обнаружу, тут же сообщу.

Однако после того, как он прошел еще полквартила, сигнал неожиданно пропал. Выругавшись, Грей остановился, попятился и наткнулся на телохранителя, неотступно следовавшего за ним.

– Черт побери, Пирс! – прорычал тот. – Я только что начистил ботинки!

Грей оглянулся через плечо на гору мускулов, возвышавшуюся позади него. Джо Ковальски, бывший морской пехотинец, был одет в спортивную куртку и широкие штаны. И то и другое шло ему как корове седло. С коротко остриженной щеточкой черных волос и сломанным в молодости носом он больше напоминал выбритую гориллу, на которую напялили мятую одежду.

Ковальски нагнулся и вытер испачканный ботинок полкой своей куртки.

– Это же «Чукка»! Я отдал за них три сотни баксов. Они специально для игры в поло, со швом «елочкой» и сделаны в Англии. Их шили мне по спецзаказу.

Вздернув брови, Грей оторвал глаза от дозиметра и посмотрел на гориллу в штанах.

Ковальски, видимо, понял, что болтает слишком много и не то, сконфузился и стал оправдываться:

– Ну ладно, просто я люблю обувь. Ну и что? На сегодня у меня было назначено свидание, но... она отказалась.

«Умная девушка», – подумал Грей, но вслух произнес:

– Очень жаль.

– Да ладно. Хорошо хоть шов не разошелся, – сказал Ковальски.

– Я имел в виду, жаль, что девица тебя продинамила.

– А-а, это? – Ковальски передернул плечами. – Ей же хуже.

Грей не стал спорить. Он снова сосредоточил внимание на показаниях прибора и медленно повернулся вокруг своей оси. Сделав шаг вправо, он опять поймал радиоактивный «запах». Тот уходил прочь от тротуара и вел через поросшие травой лужайки Эспланады.

– Сюда.

След профессора провел их мимо расположенных на Эспланаде Музея и сада скульптур Хишхорна. Повторяя путь Полка, Грей пересек тенистый, утопающий в зелени оазис и вышел из него. За садом след Полка продолжал тянуться поперек Эспланады, вдоль палаток и ларьков, оставшихся после празднования Дня труда. Их еще не успели разобрать до конца.

Грей оглянулся и мысленно проследил путь, проделанный профессором.

– Он пытался держаться в тени, подальше от посторонних глаз.

– А может, парню было просто жарко, – предположил Ковальски, вытерев взмокшие брови.

Грей огляделся. К западу статуя Вашингтона гигантским пальцем указывала прямо на раскаленное солнце, к востоку возвышался купол Капитолия США.

Грею нужно было получить ответы, поэтому он продолжил свой путь. По мере того как он шел через Эспланаду, показатели на цифровом дисплее «Гамма-скаута» постепенно уменьшались. С каждым шагом прибор фиксировал все меньший объем миллирем.

Дойдя до дальней оконечности Эспланады, Грей торопливо пересек Мэдисон-драйв. Он вновь поймал след, когда вошел в следующий парк. Приближаясь к тенистой купе краснолистных кизилых деревьев и индийской сирени, он увидел, что показатели вновь стали расти. Возле клумбы невысоких – по колено – кустов гортензии стояла скамейка. Грей подошел к ней. В этом безлюдном месте количество миллирем подпрыгнуло.

Полк здесь кого-то ждал? Именно этим мог объясняться внезапно усилившийся радиационный след.

Грей отвел в сторону усыпанную цветами ветку сирени, и его взгляду предстала вся Эспланада, включая пространство перед Смитсоновским замком. Может, профессор ждал здесь того момента, когда, по его мнению, ему ничего не будет грозить? Грей прищурился от слепящего солнечного света. Он вспомнил диагноз Малкольма, то, насколько исхудавшим и ослабевшим был Полк. Он явно находился при последнем издыхании, а отчаяние и вовсе лишило его сил.

Почему?

Грей уже собрался идти дальше, но тут за его спиной Ковальски прочистил глотку. Грей обернулся. Гигант сидел на корточках, снова полируя свой злосчастный ботинок, но вторая его рука была засунута под скамейку.

– Взгляните-ка на это, – произнес он и протянул Грею какой-то предмет.

Это был маленький бинокль.

Грей поднес к нему дозиметр, и показатели радиации сразу же подпрыгнули.

– А штука-то горячая, – проговорил он.

Ковальски поспешно перехватил бинокль за ремешок и стал совать его Грею.

– Натe, возьмите! Да скорее же!

Грей взял бинокль. Страхи его спутника были беспочвенными. Если бинокль и был радиоактивен, то уровень его радиационного фона был лишь немногим выше естественного.

Повернувшись, Грей поднес бинокль к глазам и посмотрел на Смитсоновский замок. Здание выросло в размерах. Он увидел фигуру человека, идущего вдоль фасада, и даже черты его лица были ясно различимы. Грей вспомнил, с какой поспешностью Полк направлялся к нему. Тогда он списал это на обычное нетерпение попрошайки поскорее получить милостыню, но теперь начинал думать, что Полк узнал его. Может, им двигало не отчаяние? Может, он заметил Грея, пересекающего Эспланаду, и выбрался из своего укрытия специально, чтобы перехватить его?

Грей опустил бинокль и положил его в освинцованную сумку, висевшую у пояса.

– Пошли, – бросил он своему спутнику.

Выйдя из кущи деревьев, он двинулся на восток по тропинке, тянувшейся вдоль Мэди-сон-драйв. Через некоторое время тропинка привела их к ступеням. Грей задрал голову и увидел, что они оказались перед входом в один из самых знаменитых музеев Эспланады – Национальный музей естественной истории. Здесь была выставлена богатая коллекция экспонатов из всех уголков света и представлявших интерес для самых разных отраслей знаний: экологии, геологии, археологии, от крохотных окаменелостей до гигантского скелета тираннозавра.

Грей вытянул шею. Купол музея возвышался над портиком, который поддерживали шесть огромных коринфских колонн. Разглядывая это грандиозное сооружение, Грей вдруг изумился тому, насколько фасад музея похож на греческий храм, изображенный на монете профессора.

«А нет ли тут какой-то связи?» – пронеслось в его мозгу.

Прежде чем идти дальше по следу, который явно вел в здание, он решил отчитаться перед начальством. Отойдя в сторонку, Грей оперся локтями о каменную балюстраду и включил свою компактную рацию. Директор Кроу ответил немедленно.

– Ты что-нибудь обнаружил? – спросил он.

Грей заговорил едва слышным шепотом:

– Похоже, след профессора ведет в Смитсоновский музей естественной истории.

– В музей?

– Я продолжу поиск внутри. Только сначала скажите, был ли он как-то связан с этим учреждением?

– Мне об этом ничего не известно. Но на всякий случай я спрошу у наших бывших коллег.

Грей вспомнил ту часть разговора с директором, когда Пейнтер отрывочно упомянул о прошлом профессора Полка.

– И еще одно, директор Кроу. Вы мне кое-что не объяснили.

– Что именно, командер?

– Вы сказали, что профессор Полк придумал «Сигму». Что вы имели в виду?

Немного помолчав, Пейнтер заговорил:

– Грей, что тебе известно об организации под названием «Ясоны»?

Вопрос застал Пирса врасплох, и он даже не нашелся, что ответить, кроме невнятного:

– Простите, сэр?

– «Ясоны» – это мозговой центр, сформированный в годы холодной войны. В него входили лучшие специалисты во многих областях знаний и даже ряд лауреатов Нобелевской премии. Они собрались вместе, чтобы консультировать военную элиту относительно различных технологических проектов.

– Профессор Полк тоже входил в их число?

– Да, входил. В течение многих лет «Ясоны» встречались каждое лето и устраивали мозговые атаки, рассматривая то или иное новшество. А отвечая на твой вопрос, могу сказать следующее. На одном из таких заседаний Арчибалд Полк предложил создать военизированную группу исследователей, которые работали бы на УППОНИР и выступали в качестве оперативных агентов управления.

– И таким образом родилась «Сигма»?

– Совершенно верно. Но я не думаю, что это каким-то образом связано с его убийством.

Полк уже много лет не имеет никакого отношения к «Ясонам».

Грей посмотрел на возвышающийся над ним фасад в греческом стиле.

– Может, здесь работал кто-то из его коллег-«Ясонов»? Может, именно поэтому он сюда и пришел?

– Хорошая версия. Я проверю ее, но на это потребуется время. В последние годы организация становилась все более засекреченной. Работая над различными проектами, одни «Ясоны» даже не знают, чем заняты другие. Но я позвоню кому надо.

– А я пойду дальше по этому следу. – Грей вздохнул и махнул рукой Ковальски: – Идем внутрь.

– Самое время убраться с этого проклятого солнца.

Тут было не поспорить. Войдя в двери, он сразу оценил благодатную тень и прохладу кондиционированного воздуха. Вход в музей был свободным. Грей показал гляцевую черную служебную карточку направившемуся к ним охраннику с метал – лодетектором. Тот махнул рукой, позволяя им пройти без досмотра.

Войдя в главную ротонду, Грей был поражен ее размерами. Зал восьмиугольной формы имел три яруса, каждый из которых поддерживали колонны, а последний переходил в куполообразный черепичный свод. Солнечный свет попадал в зал сквозь ряд окон, расположенных под куполом.

В центре зала находился один из талисманов музея – чучело восьмитонного африканского слона. Он стоял с поднятым хоботом и изогнутыми бивнями на лужайке из сухой травы. След Полка вел вокруг слона по направлению к лестнице для посетителей. Двигаясь по нему, Грей заметил плакат, укрепленный на стене в левой части зала. Он сообщал об открытии в следующем месяце новой экспозиции. На плакате также была изображена отражающаяся в круглом щите голова Медузы с волосами в виде извивающихся змей. Глядя на плакат, Грей замедлил шаг. Когда он прочитал название грядущей экспозиции, перед его внутренним взглядом возникла монета Полка, и он понял, что находится на верном пути.

ЗАБЫТЫЕ ЗАГАДКИ ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

18 часов 32 минуты

В полутемной комнате двое мужчин смотрели через зеркальное одностороннее стекло на детскую комнату, находившуюся по другую его сторону. Они устроились в кожаных креслах с высокими спинками. Позади них располагались четыре пластмассовых сиденья, подобные тем, что устанавливаются на стадионах, но они сейчас пустовали. Это была сугубо личная встреча.

Соседняя комната, располагавшаяся за стеклом, была ярко освещена, а стены в ней окрашены в белый с небольшим добавлением голубого – цвета, который, по мнению медиков, способствует спокойному, созерцательному настроению. В комнате находилась кровать со стеганым одеялом в цветочек и детский столик.

Старший из двоих сидел прямой как палка. Рядом с его креслом стоял потрепанный саквояж с разобранной СВД – снайперской винтовкой Драгунова. Второй, пятидесятилетний мужчина, был на двадцать лет моложе своего русского компаньона. Он ссутулился в своем идеально отглаженном костюме. Его взгляд был прикован к девочке, стоявшей перед пластмассовым пюпитром и копавшейся в коробке с толстыми цветными фломастерами. Последние тридцать минут она провела, рисуя зеленым фломастером большой прямоугольник на прикрепленном к пюпитру листе ватмана. Девочка с гипнотизирующей методичностью водила фломастером вперед и назад.

– Доктор Раев, – заговорил тот, что помоложе, – мне не хочется повторять одно и то же, но вы действительно уверены в том, что у профессора Полка не было при себе нужного нам предмета?

Доктор Юрий Раев вздохнул.

– Я потратил на этот проект всю свою жизнь. – «И свою душу», – добавил он про себя. – Я не позволю кому бы то ни было пустить все под откос, когда мы уже так близко.

– Тогда где же он? Мы перевернули все вверх дном в том дешевом мотеле, где Полк провел последнюю ночь, – и ничего. Если это окажется в недружественных руках, возникнет слишком много вопросов.

Юрий взглянул на мужчину в соседнем кресле. Джон Мэплторп, начальник управления Агентства военной разведки США, являлся обладателем длинного лица, провисшей под подбородком кожи и мешков под глазами, как если бы он был сделан из свечного воска и его слишком долго держали на солнце. Даже краска для волос, которую он использовал, была слишком темной, отчего и человеку несведущему сразу становилось ясно, что этот оплывший тип отчаянно старается выглядеть моложе. Юрий не имел права осуждать того, кто в пожилом возрасте пытается молодиться. Его собственная кожа тоже давно обвисла, но мышцы под ней, как в прежние времена, оставались крепкими, реакция – молниеносной, тело – ловким. Поддерживать столь великолепную форму ему помогали не только инъекции андрогенов, гормонов роста и физические упражнения, которыми он доводил себя до изнеможения, но и то, что Раев ни на минуту не прекращал бороться за то, чтобы удержать время. Но двигало им не тщеславие.

Он посмотрел в соседнюю комнату.

Нет, не тщеславие.

Мэплторп барабанил пальцами по ручке кресла.

– Мы обязаны вернуть то, что украл Полк.

– У него не было этого с собой, – заверил Юрий Мэплторпа с еще большей настойчивостью. – Предмет слишком велик, чтобы спрятать его на себе, даже под пиджаком. Хорошо еще, что мне удалось остановить его раньше, чем он успел с кем-нибудь поговорить.

– Надеюсь, вы правы. В противном случае не поздоровится всем нам. – Мэплторп вновь стал смотреть на девочку. – И она сумела выследить его? Аж из России?

Юрий кивнул, а когда он заговорил, в его голосе звучала отцовская гордость:

– С ее помощью и с помощью ее брата-близнеца нам, возможно, удалось наконец преодолеть барьер.

– Жаль только, что у нее не получается действовать быстрее, – презрительно фыркнул Мэплторп. – У дочери моего шурина сын – аутист. Я вам об этом не рассказывал? Но он не идиот савант, поскольку даже шнурки с трудом завязывает.

– Надо говорить «аутист-савант»! – оцетинился Юрий.

Его собеседник лишь равнодушно передернул плечами.

Этот американец все сильнее раздражал Юрия. Подобно Мэплторпу, очень немногие, даже медики, имели глубокое представление о сути аутизма. А вот Юрий знал это психическое отклонение досконально, поскольку был очень близко с ним знаком. На самом деле это был целый набор нарушений, который выражался в отсутствии контакта с окружающими, эмоциональной холодности и неадекватной реакции на происходящие вокруг события. У детей, страдающих этим недугом, отмечались тики, задержка в развитии речи, патологическая привязанность к отдельным предметам и неуместные монотонные манипуляции с ними, а часто и дисфункциональное отношение к событиям и людям.

Однако иногда это психическое нарушение творило чудеса.

В редких случаях дети-аутисты демонстрировали блестящие способности в какой-нибудь узкой сфере, как, например, математика, музыка или живопись. Таких называли савантами, и они составляли десять процентов от всех детей, страдающих аутизмом. Однако Юрия инте-

ресовали даже не они, а еще более редкие индивидуумы, получившие название «саванты-уники», те аутисты, талант которых находился на уровне подлинного гения. По всему миру таких можно было насчитать меньше сорока. Но даже среди этих исключительных личностей существовала горстка тех, по сравнению с которыми все остальные казались гномиками.

Все они произошли из одной генетической линии.

В мозгу Юрия вспыхнуло слово, давным-давно сказанное ему старой цыганкой. Шовихани.

Он смотрел сквозь зеркальное стекло на темноволосую девочку.

– Мы не должны допустить, чтобы хоть одна живая душа пронюхала о том, чем мы здесь занимаемся, – забормотал рядом с ним Мэпплторп. – Иначе Нюрнбергский процесс над нацистскими военными преступниками покажется нам разбором мелкого дорожно-транспортного происшествия.

Юрий не ответил. Вряд ли Мэпплторп осознавал масштаб проведенных им исследований, но Юрию приходилось иметь с ним дело, поскольку после падения Берлинской стены ему понадобились новые источники финансирования, чтобы продолжить свою работу. Целых десять лет он осторожно зондировал почву в Америке. Сначала все казалось безнадежным, но затем политический климат изменился. В результате начавшейся глобальной войны с международным терроризмом стали возникать новые альянсы, заключаться новые союзы. Бывшие враги стали друзьями. Но, что еще более важно, пали границы собственности. Пришла новая эра, а вместе с ней и новая мораль. Броское изречение «Цель оправдывает средства» обрело силу закона.

Любые средства.

При условии, если это служит всеобщему благу.

Правительство Юрия знало это всегда, а вот американцам пришлось учиться, когда суровая реальность прижала их к стене.

Юрия вывел из задумчивости Мэпплторп.

– Что она делает? – спросил американец, указывая на стекло.

Юрий встал. Саша все так же стояла у пюпитра, только теперь в ее руке был не зеленый, а черный фломастер. Ее рука летала вверх и вниз над листом ватмана, рисуя какие-то прямоугольные фигуры, в которых было невозможно угадать какой-либо конкретный образ. Сначала она рисовала в одном углу, затем – в другом.

Мэпплторп насмешливо фыркнул.

– А вы еще утверждали, что девочка обладает талантом в живописи.

– Так и есть.

Саша продолжала работать. Большой зеленый прямоугольник, который она нарисовала сначала, постепенно заполнялся черными угловатыми фигурами и зигзагами. Другую руку она держала отставленной в сторону, перпендикулярно к туловищу, которое словно одеревенело. Она как будто пыталась сохранить равновесие, сопротивляясь некоей потусторонней силе.

Наконец обе ее руки упали вдоль тела.

Она отвернулась от пюпитра, села, скрестив ноги по-турецки, и стала раскачиваться из стороны в сторону. Ее лоб покрывали мелкие капельки пота. Протянув руку, она взяла валявшийся рядом игрушечный деревянный кубик и принялась методично поворачивать его в одну и ту же сторону, будто пытаясь разгадать какую-то головоломку, видимую только ей.

Юрий перевел взгляд на ее рисунок.

Мэплторп присоединился к нему.

– Что это такое? – спросил он. – Галиматъя какая-то.

– Нет! – ответил Юрий по-русски, наверное, потому, что был встревожен, очень встревожен.

Он поторопился к двери, которая вела в соседнюю комнату. Когда он вошел в детскую, Саша, даже не взглянув на него, продолжала раскачиваться и крутить пальчиками кубик. По опыту Юрий знал, что теперь она еще некоторое время не выйдет из этого состояния.

Но о Сашином таланте ему было известно и кое-что еще.

Подойдя к пюпитру, он снял с него лист с рисунком.

– Что вы делаете? – удивился Мэплторп.

Юрий повернул рисунок на сто восемьдесят градусов и снова прикрепил его к пюпитру. Иногда Саша рисовала вверх ногами. Это не было редкостью для аутистов-савантов. Они часто воспринимали мир совсем не так, как обычные люди. Цифры у них обладали звуками, слова – запахами.

Юрий посмотрел на Сашу. Ее блестящие голубые глаза были прикованы к игрушечному кубику.

Повернувшись к Мэплторпу, Юрий увидел изумление на его лице. Американец подошел к рисунку и, будто потеряв дар речи, стал тыкать в него пальцем. Наконец с его губ сорвались слова:

– Боже правый... Эта фигура в центре... Она похожа на слона.

Юрий посмотрел туда, куда указывал Мэплторп, и сердце застряло у него в горле. Саша не нарисовала бы такое, если бы кто-то не подтолкнул ее к этому. Именно такие рисунки вывели его на доктора Полка. Рисунки Эспланады, Смитсоновского замка и того места, где Юрий устроил затем снайперское гнездо. Двигаться пришлось быстро, поскольку до появления Полка оставалось всего два часа. Именно два часа – таков был лимит необычайного таланта Саши.

Мэплторп наклонился ближе к рисунку.

– Это зал, в котором стоит слон... Мне кажется, я знаю, где это. Я водил туда своего внука всего две недели назад. Это ротонда Музея естественной истории.

Юрий наморщил лоб.

– Того, который находится на Эспланаде?

И того самого, где так долго пряталась сегодня его дичь.

Мэпплторп кивнул.

Юрий посмотрел в зеркало и увидел только собственное отражение. Неужели Саша почувствовала, что они вернулись туда? И главное, почувствовала ли она глубокую тревогу Мэпплторпа относительно того, что было украдено доктором Полком?

Выяснить это можно было только одним способом.

Указав на рисунок, Юрий обратился к Мэпплторпу:

– Вам следует отправить туда своих людей. Немедленно!

18 часов 48 минут

Грей продолжал углубляться в недра музея. Из огромной ротонды с чучелом слона радиоактивный след Полка тянулся вверх по лестнице для посетителей. Ведомый им, Грей поднялся на второй этаж и двинулся дальше. Очень скоро он оказался перед дверью с табличкой, на которой значилось: «СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Грей подергал ручку, но дверь не поддавалась. Она была заперта на электронный замок, открыть который можно было только с помощью электронной карточки сотрудника музея. Грей нахмурился. Как же удалось пройти через нее Полку? Он прикоснулся к микрофону у горла и вызвал командный пункт. В тот же момент в наушнике послышался голос Пейнтера Кроу:

– Что, командер?

– Сэр, мне нужна помощь. – Он объяснил, куда привел их след, и добавил: – Я должен проникнуть внутрь.

– Подожди немного, Грей, сейчас я добавлю к кодам твоей идентификационной карточки код доступа в Смитсоновские музеи.

Воцарилась тишина. Грей представил себе, как в эту минуту директор печатает на клавиатуре своего компьютера. Рядом с ним Ковальски прислонился к стене и насвистывал сквозь зубы.

– Попробуй теперь, – наконец сказал Пейнтер.

Грей провел своей карточкой сквозь прорезь электронного устройства и услышал, как щелкнул механизм замка.

– Сработало, сэр. Я сообщу вам о том, что нам удастся найти.

Грей нырнул в открывшуюся дверь и оказался на запретной для посторонних территории музея. Здесь все было почти так же, как снаружи, разве что чуть более утилитарно: мраморные полы, за десятилетия отполированные до блеска сотнями шаркающих ног, тусклый свет флуоресцентных ламп и деревянные двери с окошками из матового стекла, на которых были протравлены слова: «Энтомология», «Зоология беспозвоночных», «Палеонтология», «Ботаника»...

След вел их по настоящему лабиринту, пока они не уткнулись в дверь без каких-либо обозначений. Тут прибор отметил повышение уровня радиоактивности. Грей поднес «Гаммаскаут» к ручке двери, и показатели резко подпрыгнули. Отступив назад, командер заметил, что след уходит дальше по коридору, упиравшемуся в небольшой цементный пятачок, на дальней стене которого располагались пять металлических подъемных ворот. Погрузочная площадка музея. Грей смотрел то вправо, то влево, пытаясь представить себе, как действовал Полк. Профессор, должно быть, проник в музей через грузовые ворота, а вышел через главный вход.

Не пытался ли он отделаться от хвоста?

Ковальски подергал дверную ручку.

– Не заперто, – сообщил он и в доказательство этого распахнул дверь настежь.

Темнота, открывшаяся перед ними, пахла пылью, сухим сеном и немного – хвоей. Грей достал из кармана фонарик и включил его. Задняя часть колоссального пространства была заставлена стеллажами и полками. Вдоль одной стены, поставленные друг на друга, выстроились деревянные ящики с прибитыми к ним перевозочными бирками. Крышки нескольких из них были открыты, видимо, с помощью фомки, пол – усыпан упаковочной соломой и более современным пенополистиролом.

Хранилище.

Слева от двери помещался письменный стол, на котором стояли компьютер и принтер. Обычные столы, уставленные глиняной посудой и каменными обломками с орнаментом, тянулись по другую сторону. Кто-то тут производил инвентаризацию. Чуть дальше на деревянных поддонах виднелось несколько более крупных предметов: мраморная статуя женщины с отломанными руками, изъеденная коррозией бронзовая бычья голова, основание каменной колонны.

След указывал внутрь помещения, и Грей двинулся туда же, недоумевая, что заставило профессора болтаться на этом складе. Может, он просто решил укрыться тут от проходившего мимо охранника? Следуя указаниям счетчика, Грей оказался возле одного из предметов, также стоявшего на поддоне, – полусферического камня в форме половины яйца. В верхней части этого артефакта имелось отверстие. Он напоминал бы гранитную модель вулкана, если бы не был покрыт письменами. Грей наклонился, чтобы рассмотреть их поближе.

Древнегреческий.

Нахмурившись, командер поднес к камню дозиметр. Радиационный хвост огибал поддон и тянулся дальше. Грей двинулся туда же, идя след в след с мертвым профессором. Чем привлёк Полка этот экспонат?

Его размышления прервал грохот, раздавшийся слева от него. Повернувшись, он увидел Ковальски, сжимающего ручку от вазы. Остальное в виде осколков валялось у его ног.

– Она... разбилась, – виновато пролепетал великан.

У этого человека определенно был дар констатировать очевидное.

Грей лишь покачал головой. Нужно было оставить Ковальски в коридоре. Он вел себя как слон в посудной лавке, вот только слон лучше владел собой.

– Она шаталась, черт бы ее побрал, – проговорил Ковальски, но в его голосе прозвучала злость скорее на самого себя, нежели на злосчастную вазу. – Идите сюда, взгляните на это, – добавил он, ткнув в сторону стола тем, что осталось от вазы.

Грей подошел к телохранителю. На столе ровными рядами были разложены монеты Древней Греции. Одной явно не хватало. Не той ли, которую сунул ему Полк? Не здесь ли он ее стащил?

– Я случайно наткнулся на стол, а ваза полетела на пол. Я подхватил ее, но она рассыпалась у меня в руках.

Он аккуратно положил ручку от вазы на стол.

– Не переживай по этому поводу. Ее стоимость просто вычтут из твоей зарплаты, да и дело с концом.

– Дьявол! А сколько, по-вашему, она может стоить?

– Несколько сотен.

Вояка испустил облегченный вздох.

– Ну, это не так уж страшно.

– Несколько сотен тысяч, – прояснил ситуацию Грей.

– О господи, чтоб тебя...

Словоизвержение Ковальски было прервано скрипом дверной ручки. Грей начал поворачиваться, но огромная лапа Ковальски схватила его за предплечье и дернула назад. Он заслонил Грея своим телом, а второй рукой с удивительной ловкостью выхватил из наплечной кобуры пистолет сорок пятого калибра.

В хранилище вошла хрупкая женщина. Она покопалась в своей сумочке, а потом стала слепо шарить по стене в поисках выключателя, не подозревая об их присутствии. Это продолжалось до тех пор, пока она не заметила две вещи: свет от карманного фонарика и человеческую глыбу, направившую ей в грудь пистолет.

От испуга женщина пискнула и прижалась спиной к дверному косяку.

– Извиняюсь, – пробасил Ковальски и поднял ствол пистолета к потолку.

Грей торопливо обогнул сбитого с толку телохранителя и заговорил:

– Не пугайтесь, мэм, все в порядке. Мы – из службы безопасности музея и расследуем обстоятельства незаконного проникновения.

Ковальски ткнул пистолетом в осколки вазы на полу.

– Ага. Какой-то тип раскокал эту штуку.

Засовывая оружие в кобуру, он поглядел на Грея, взглядом умоляя подтвердить его слова.

Женщина крепко прижимала к груди сумочку. Второй рукой она придерживала на кончике носа крошечные очки. Тоненькая, с коротко стриженными каштановыми волосами, она больше напоминала старшеклассницу, но по прищуренным, полным подозрительности глазам было видно, что ей по крайней мере на десяток лет больше.

– Могу я видеть ваши документы? – твердым голосом спросила она, оставаясь тем не менее рядом с открытой дверью.

Грей продемонстрировал ей свою черную идентификационную карточку, на которой имелась его фотография и золотая президентская печать.

– Если хотите, я назову вам телефонный номер, позвонив по которому вы сможете убедиться в том, что я говорю правду.

Все так же шурясь, женщина посмотрела на служебное удостоверение Грея и, похоже, немного расслабилась, хотя напряжение не до конца отпустило ее. Окинув хранилище взглядом, она спросила:

– Что-нибудь похищено?

– Вам виднее, – ответил Грей, надеясь извлечь пользу из этой неожиданно сложившейся ситуации. – Правда, мне показалось, что на этом столе не хватает одной монеты.

– Что-о? – Позабыв о страхе, она поспешила к ним, и после первого же взгляда на стол с монетами ее лицо превратилось в маску отчаяния. – О нет! Боже мой! Эту коллекцию нам на время передал музей в Дельфах.

Снова Дельфы.

Она посмотрела на куполообразный камень – тот самый, который, судя по всему, привлек внимание Полка. Ковальски стоял, опершись на него.

– Прошу вас, не прикасайтесь к этому.

Ковальски выпрямился и осуждающе посмотрел на свою ладонь, словно во всем была виновата она. Сам же он был настолько благопристоен, что зарделся от смущения.

– Извините.

– Могу ли я полюбопытствовать, что это такое? – равнодушным тоном спросил Грей, кивнув на каменное сооружение.

Женщина молитвенно сложила руки.

– Это жемчужина коллекции. Он займет почетное место в грядущей экспозиции. Благодарение небесам, что воры не надругались над ним. – Для пущей уверенности она обошла камень. – Ему больше тысячи шестисот лет.

– Но что это? – не отступал Грей.

– Это называется омфал, что можно перевести примерно как «пуп». В Древней Греции омфал считался точкой, вокруг которой вращается мир, центром вселенной. С омфалом связано множество мифов, ему приписывалась огромная сила.

– Как же вам удалось его заполучить?

Женщина кивнула в сторону стола.

– Он из той же коллекции, что и все это. Мы также приняли его на временное хранение от Дельфийского музея.

– Дельфы – это то место, где располагался храм Дельфийского оракула?

Женщина окинула Грея удивленным взглядом.

– Совершенно верно. Омфал находился во внутреннем святилище храма, считавшемся его самым сокровенным помещением.

– И это тот самый камень?

– Нет, к сожалению, это всего лишь копия. До последнего времени считалось, что это подлинный омфал, описанный в древних исторических трудах Плутарха и Сократа. Однако община дельфийских сестер-прорицательниц существовала три тысячелетия назад, а возраст этого камня, как недавно установили, едва превышает половину этого срока.

– Что же случилось с оригиналом?

– Никто не знает. Затерялся в пучинах истории.

Она выпрямилась и пошла к лабораторному халату, висевшему на крючке у двери. Надев его, женщина сняла с пиджака свою служебную карточку и прицепила ее к отвороту халата. Взглянув на нее, Грей увидел фотографию женщины и ее имя: «ПОЛК Э.».

– Полк... – произнес он вслух.

– Да, доктор Элизабет Полк, – подтвердила женщина.

Грей ощутил во всем теле покалывание. Так вот почему профессор пришел именно сюда.

– Вы, случайно, не знакомы с Арчибальдом Полком?

Она посмотрела на него очень серьезным взглядом.

– Это мой отец. А что?

3

5 сентября, 19 часов 22 минуты

Вашингтон, округ Колумбия

– Мертв?

Грей сидел на краешке письменного стола в хранилище музея. Он понимал, какую боль испытывает женщина, выслушав то, что он был вынужден ей сказать. Элизабет Полк упала на стол и сторбилась на нем в своем лабораторном халате. Слез не было, шок запер их внутри ее, но, как будто на всякий случай, она сняла свои узкие очки.

– Я слышала про стрельбу на Эспланаде, – бормотала женщина, – но и подумать не могла, что... – Она безнадежно покачала головой. – Весь день я провела в этом подвале.

«А сотовый телефон здесь наверняка не работает», – мысленно отметил Грей. Неудивительно, что Пейнтер, который целый день пытался дозвониться до дочери Полка, потерпел фиаско. Она же в течение всего этого дня находилась в двух шагах от него, в чреве Музея естественной истории.

– Извините, что пристаю к вам с вопросами в такой тяжелый для вас момент, – проговорил он, – но все же когда вы видели отца в последний раз?

Женщина с усилием сглотнула, пытаясь взять себя в руки. Ее голос дрожал и срывался.

– Я... Я точно не помню. Примерно год назад. Мы были в ссоре. О господи, чего я только ему не наговорила...

В ее глазах читались боль и сожаление.

– Я уверен, он знал, что на самом деле вы любите его.

Ее глаза вспыхнули, но взгляд, устремленный на Грея, был тяжелым.

– Спасибо вам за эти слова. Но ведь вы его не знали!

Грей почувствовал, что под оболочкой тихони и книжного червя таится железная воля. Ее гнев не смутил его, поскольку он понимал: эти эмоции направлены не против него, а скорее внутрь ее самой. Ковальски, видимо почувствовав себя неловко, отошел в глубь хранилища.

Грей повернулся и указал на стол, где рядами были выложены монеты.

– Я знал вашего отца, поскольку именно на его теле мы нашли недостающую здесь монету. – Грей вспомнил пояснения, услышанные им от Пейнтера. – Монету, на одной стороне которой выбито изображение Фаустины Старшей, а на другой – Дельфийского храма.

Глаза женщины округлились. Она посмотрела на пустое место, где раньше лежала монета.

– Перед тем как его застрелили, он приходил сюда, в ваш офис.

– Это не мой офис, – пробормотала она. – Я всего лишь провожу здесь исследования, необходимые для моей докторской диссертации. Между прочим, именно отец, используя свои связи, выбил для меня разрешение работать над диссертацией в Дельфийском музее в Греции. Я вернулась из Дельф всего месяц назад и сейчас являюсь куратором выставки, которая вскоре должна здесь открыться. Даже не подозревала, что отец знал о моем возвращении. Тем более после нашей... – Она взмахнула рукой, словно отметая то, что собиралась произнести в следующий момент.

– Видимо, он интересовался тем, как идут у вас дела.

Из ее глаз все же выкатилось несколько слезинок, и она резким движением отерла лицо рукавом халата.

Грей дал ей время успокоиться и посмотрел на Ковальски, который описывал круги вокруг омфала, уподобившись спутнику некоей новой планеты. Теперь он знал, что отец Элизабет следовал по той же орбите. Но почему?

Словно услышав его мысли, Элизабет задала тот же вопрос:

– Почему отец пришел сюда? Зачем он взял монету?

– Понятия не имею. Но я уверен: ваш отец знал, что кто-то следит за ним, идет по его следу. – Грей представил, как Полк слоняется по Эспланаде, пытаясь выйти на контакт с сотрудниками «Сигмы» и при этом не обнаружить себя. – Должно быть, он взял монету именно на тот случай, если его убьют. Монета была невзрачной, покрытой налетом и, находясь в кармане, могла остаться незамеченной убийцами, если бы те решили обыскать тело. Но при более тщательном осмотре в морге она непременно была бы обнаружена и не могла не вызвать удивления. Он, вероятно, рассчитывал на то, что монета приведет нашедших ее сюда, где вы к тому времени уже будете бить тревогу в связи с ее исчезновением.

По мере того как Грей говорил, слезы на лице Элизабет высохли.

– Но для чего ему могло понадобиться все это? – спросила она.

Грей напряженно думал. Он даже закрыл глаза, пытаясь поставить себя на место профессора Полка.

– Если я не ошибаюсь относительно монеты, вашего отца беспокоило предположение, что его могут обыскать. Он, очевидно, знал, что охотникам, идущим по его следу, необходим какой-то определенный предмет. Предмет, который находился у него.

«Ну конечно же!»

Он открыл глаза, прыгнул со стола и потянул Элизабет со стула. Его глаза обшаривали хранилище, но на сей раз не в поисках призраков. По тому, как женщина свела брови, Грей понял: она тоже догадалась. Элизабет надела очки.

– Отец мог спрятать здесь то, за чем охотились убийцы.

Грей направился туда, где возле куполообразного камня бесцельно слонялся Ковальски.

– Вашего отца крайне заинтересовал этот храмовый омфал.

Элизабет, все так же хмуря брови, шла следом за ним.

– Откуда вы можете это знать?

Грей вкратце рассказал ей о радиационном следе и показал «Гамма-скаут».

– След, оставленный вашим отцом, привел сюда, и, учитывая то, насколько велики в этом месте показатели дозиметра, мистер Полк оставался рядом с этим экспонатом достаточно долго.

Услышав о том, что ее отец подвергся радиоактивному облучению, Элизабет побледнела. И все же она нашла в себе силы указать рукой в сторону и сказать Ковальски:

– Вон на той стене висит фонарь для экстренных ситуаций.

Ковальски кивнул и через несколько секунд принес его.

Элизабет приблизилась к камню.

– Хотя омфал с виду очень тяжелый, на самом деле внутри он полый.

Она указала на отверстие в верхней части каменного купола.

Грей все понял. Ее отец без труда мог бросить какой-нибудь предмет внутрь здорового камня. Он взял из рук Ковальски фонарь, наклонился над омфалом и осветил в отверстие. Внутри каменюга действительно был пустым. В самом низу в свете фонаря Грей увидел доски деревянного поддона, на котором покоился омфал. Он поводит лучом из стороны в сторону и заметил что-то, лежащее возле одной из стенок камня. По виду предмет напоминал полированный булыжник размером примерно с мускусную дыню.

– Хрен поймешь, что это за штука, – пробормотал Грей и выпрямился. – Нам нужно поднять камень.

– Он тяжелый, – предупредила Элизабет. – Для того чтобы вытащить его из ящика, потребовалось шестеро мужчин. Правда, в дальней части хранилища, где сложены инструменты, есть лом. С его помощью мы могли бы приподнять омфал. Но действовать нужно очень осторожно.

– Я сейчас принесу, – сказал Ковальски и отправился в глубь хранилища.

Как только он ушел, зазвонил телефон на столе Элизабет. Она приблизилась к аппарату и взглянула на дисплей определителя номера.

– Это служба безопасности. – Взглянув на часы, она добавила: – Музей уже закрылся, и они, вероятно, хотят выяснить, долго ли я еще здесь пробуду.

– Скажите им, что как минимум час.

Женщина кивнула и сняла трубку. Представившись, она стала слушать. Уже через несколько секунд ее глаза округлились.

– Поняла. Я сейчас же поднимусь.

Повесив трубку, она повернулась к Грею.

– Кто-то позвонил и сообщил, что в музее заложена бомба. Они эвакуируют всех из здания.

Грей молчал, лихорадочно соображая. Он понимал, что подобная угроза, тем более сейчас, не может быть простым совпадением. Осознание того же самого он прочитал и в глазах женщины.

– Кто-то узнал, – медленно проговорил он. – После сегодняшней стрельбы на Эспланаде никто не сможет отмахнуться от предупреждения о возможном взрыве. Это прекрасный предлог для того, чтобы скрытно обыскать все здание.

Грей обернулся и посмотрел на омфал.

Времени на то, чтобы деликатничать, не оставалось.

Ковальски, вернувшийся из дальнего конца хранилища, видимо, тоже понял это, поскольку вместо лома на его плече лежала здоровенная кувалда.

– Я все слышал, – сказал он. – Отойдите в сторонку.

– Нет! – воскликнула Элизабет.

Однако Ковальски явно не считал «нет» ответом, заслуживающим внимания, поскольку в следующее мгновение он занес кувалду над головой и со страшной силой опустил ее вниз.

Элизабет испуганно выдохнула, но вместо того, чтобы ударить по священному камню, молот сокрушил деревянный поддон, на котором тот стоял. Во все стороны полетели щепки, доски разломались. Ковальски нанес еще несколько ударов в то же место.

Утратив равновесие, огромный камень покосился в ту сторону, где поддон оказался разломан, а затем медленно завалился набок, сломав еще несколько досок. Однако сам артефакт, похоже, ничуть не пострадал.

Ковальски закинул кувалду на плечо.

Элизабет смотрела на великана со смесью ужаса и благоговения.

Грей подскочил к поддону и опустился на одно колено. Предмет, еще недавно таившийся внутри омфала, теперь лежал как на ладони. Он оказался вовсе не бульжником. Грей поднес к нему «Гамма-скаут». Предмет излучал некоторое количество радиации, но не больше, чем бинокль, который они нашли несколькими часами раньше.

Удовлетворенный результатами осмотра, Грей взял его и поднялся на ноги.

Когда он выпрямился, Элизабет отшатнулась назад.

Глаза Ковальски сузились.

– Череп? И вся эта бодяга – из-за него?

Грей рассмотрел находку. Череп был маленьким, и у него отсутствовала нижняя челюсть. Перевернув его, Грей увидел, что верхнюю челюсть отличали довольно большие клыки, а сам череп был слегка вытянут вперед, наподобие звериной морды.

– Не человеческий, – констатировал Грей. – Судя по размеру и форме черепа, я бы предположил, что он принадлежит обезьяне. Возможно, шимпанзе.

Выражение на физиономии Ковальски стало еще более кислым.

– Вот здо-орово! – протянул он. – Опять обезьяны!

Грей знал, что после одного из заданий у здоровяка выработалось стойкое отвращение ко всему, что связано с этими животными. Были у него какие-то неприятности то ли с бабуи-

нами, то ли с человекообразными. Правда, Грею пока так и не удалось вытянуть из Ковальски сколько-нибудь вразумительных сведений о том, что же он все-таки не поделил с обезьянами.

– А что это такое? – спросила Элизабет. – Вот это, сбоку?

Грей понял, к чему относится ее вопрос. Не заметить этого было невозможно. Прикрепленная к височной кости прямо над ушным отверстием, поблескивала полоска из нержавеющей стали.

– Не знаю, – признался он. – Может, устройство наподобие слухового аппарата. Возможно, даже какой-нибудь кохлеарный имплантат.

– У паршивой макаки? – фыркнул Ковальски.

Грей пожал плечами.

– Потом выясним.

– Зачем отец принес это сюда?

Грей покачал головой.

– И этого я тоже не знаю. Но кто-то очень хотел его остановить. И кто-то по-прежнему хочет заполучить эту вещь обратно.

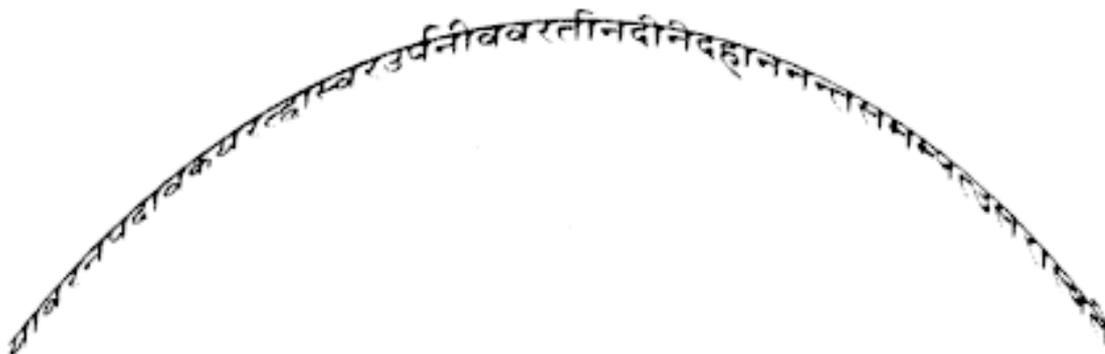
– Что мы будем делать теперь?

– Найдем способ выбраться отсюда, прежде чем кто-либо узнает, что череп – у нас.

Грей еще раз внимательно осмотрел поддон, желая убедиться в том, что они ничего не проглядели. Например, записку, которая бы все объяснила. Нагнувшись, он осветил каменный купол изнутри.

Ничего.

Когда Грей уже хотел вынуть руку с фонарем, свет упал на внутреннюю поверхность омфала, и что-то привлекло его внимание. Это было похоже на изгибающуюся бороздку, вырезанную на стенке камня. Она начиналась от нижнего края и тянулась к отверстию в его верхней части. Грей провел по ней пальцем и понял, что это длинная цепочка выбитых на камне букв. Нагнувшись еще ниже, он сфокусировал луч фонаря и направил его на надпись.

– Древний санскрит, – пояснила Элизабет, заметив, как внимательно мужчина рассматривает надпись.

Грей выпрямился.

– А что санскрит делает внутри...

– Послушайте, – перебил его Ковальски, – что, эта чертовщина сейчас так важна? – Он ткнул большим пальцем в сторону двери. – Не забыли о звонке относительно бомбы? Может, нам все-таки лучше уносить отсюда ноги?

Грей поднялся на ноги. Здоровяк был прав: они и так потеряли уйму времени. Здание уже наверняка наводнили...

Из коридора донесся сдавленный крик.

Ковальски театрально закатил глаза, словно говоря: «Я же предупреждал!»

– Что будем делать? – спросила Элизабет.

19 часов 37 минут

Пейнтер постучал в полуотворенную дверь патологоанатомической лаборатории.

– Входите! – крикнул изнутри Малкольм. – Джонс, у тебя есть данные из...

Пейнтер толчком распахнул дверь как раз в тот момент, когда Малкольм развернулся на своем крутящемся кресле. На нем по-прежнему был голубой лабораторный халат, очки были сдвинуты на макушку, и он тер переносицу, когда увидел, кто стоит перед ним.

– Директор?

Он сделал попытку встать, но Пейнтер жестом разрешил ему не делать этого.

– Brent передал мне, что ты звонил, а я как раз возвращаюсь к себе после просмотров видеозаписей камер наружного наблюдения с близлежащих зданий. Вот и решил зайти по дороге.

– Стрелок попал на пленку?

– Пока не нашли. Мы все еще просматриваем записи. Но их – горы, и вдобавок некоторые домовладельцы выкаблучиваются, не желая предоставлять записи со своих камер.

После событий 11 сентября 2001 года система наружного видеонаблюдения в американской столице была расширена неизмеримо. На целых десять миль во всех направлениях от Белого дома видеокamеры круглосуточно прощупывали объективами каждый квадратный фут улиц, парков и общественных мест. А также шестьдесят процентов внутреннего пространства помещений. Несколько камер зафиксировали путь доктора Арчибальда Полка через Эспланаду. Они подтвердили, что Грей с помощью дозиметра вычислил его маршрут совершенно правильно. Но оставались белые пятна. Хотя камеры записали то, как Полк повалился на руки Грею, ни одна из них не уловила вспышки от выстрела и тем более самого снайпера.

Это не могло не беспокоить.

Пейнтер уже начинал подозревать, что стрелок знал о расположении камер и сознательно выбрал такую позицию, где мог оставаться невидимым для них. Или, того хуже, кто-то сознательно уничтожил те записи, на которых он был заснят.

Если хотя бы одно из этих предположений окажется верным, это будет означать, что убийца доктора Полка имеет в Вашингтоне влиятельных и осведомленных покровителей. Но кого и где? Если убийство связано с предыдущей работой Полка в составе «Ясонов», это открывало ящик Пандоры, в котором могли таиться самые чудовищные возможности. «Ясоны» запустили руки в проекты всех степеней секретности.

Пейнтер знал: сегодня он не уснет.

Их всех ожидает бессонная ночь.

– Есть какие-нибудь новости от Грея? – поинтересовался Малкольм, убирая кипу бумаг со стула и пододвигая его Пейнтеру.

– Он обшаривает Музей естественной истории. Радиоактивный след привел именно туда.

– Будем надеяться, что ему удастся что-нибудь раскопать, но именно в связи с этим я вам и позвонил. Я нашел кое-какие хлебные крошки, по которым можно искать дорогу.

Заинтригованный, Пейнтер опустился на стул. Малкольм развернул плоский экран компьютера так, чтобы директору было лучше видно.

– Так что ты там нарыл? – спросил тот.

– Нечто весьма любопытное. Не знаю, правда, что с этим делать, но, возможно, оно поможет нам в расследовании. Зная, что Полк умирал от лучевой болезни, я попытался определить, где именно он мог подхватить дозу. Исследование желудочно-кишечного тракта и печени доктора показало, что он не глотал ничего радиоактивного.

– То есть ему никто не подсыпал в ужин полония двести десять или какой-нибудь гадости в этом роде?

Малкольм кивнул.

– Исходя из объема радиационных ожогов на коже, я могу с уверенностью утверждать, что покойный стал жертвой внешнего источника облучения, причем микроанализ его волос показывает, что дозу он получил очень большую. Полк подвергся радиационному заражению менее недели назад.

– Но где...

Малкольм поднял руку, призывая директора к терпению, а второй принялся печатать на клавиатуре компьютера.

– В глубоких альвеолярных карманах его легких осталась радиоактивная пыль. Ну, примерно как в легких шахтеров осажается пыль угольная. Я прогнал образец этой пыли через масс-спектрограф и смог составить схему ее изотопного содержания.

Он указал на экран. В левой его части побежали строчки с какими-то данными.

– Такая характеристика радиации столь же уникальна, как отпечатки пальцев. Чтобы получить ее, мне пришлось всего-то взломать базу данных штаб-квартиры МАГАТЭ в Вене.

Пейнтер заметил, что в верхней части окна поиска действительно значилось название этой организации: Международное агентство по атомной энергии.

– Агентство отслеживает все горячие зоны в мире: рудники, реакторы, промышленные предприятия. Вопреки распространенному мнению не вся радиация одинакова. Мы говорим о материалах, подвергающихся постоянному распаду, изотопное содержание которых может варьироваться в зависимости от того, где их добывали и как обрабатывали. Конечный вывод таков: рисунок радиации уникален для каждого места, где применяются радиоактивные материалы.

– Что же рассказала тебе радиоактивная пыль из легких профессора?

– Я провел поиск в базе данных МАГАТЭ и нашел совпадение.

– Ты узнал, где подвергся радиационному облучению Полк?

Малкольм кивнул на монитор, на котором перестали бежать строчки с информацией и возникла карта мира. Затем она увеличилась, и на ней неподалеку от Киева высветилась точка. А потом появилась рамочка и в ней – название населенного пункта. Название, ставшее синонимом радиационной катастрофы.

Чернобыль.

Что занесло Арчибальда Полка в Чернобыль? Каким образом он получил смертельную дозу облучения, оказавшись рядом с мертвым реактором? На этой неделе реактор планировалось накрыть новым саркофагом – толстым стальным куполом.

Прежде чем Пейнтер успел засыпать Малкольма вопросами, на его ремне завибрировал сотовый телефон. Звонил помощник. Нахмурившись, он поднес трубку к уху.

– В чем дело, Brent?

– Директор, из Министерства национальной безопасности поступил сигнал тревоги. Только что получено сообщение о том, что в Музее естественной истории заложена бомба.

Пальцы Пейнтера, сжимавшие трубку, побелели от напряжения. «Музей естественной истории... – пронеслось в его мозгу. – Именно туда направлялся Грей!»

Скверно.

– Соедини меня с Греем.

Он ждал, прижимая к уху телефон. Малкольм не спускал с него взгляда.

Поступило ли предупреждение от Грея или от кого-то еще?

В любом случае что-то тут было не так.

Это предположение подтвердилось минутой позже. В телефоне снова раздался голос Brenta:

– Сэр, он не отвечает.

19 часов 56 минут

Они шли по направлению к погрузочной зоне, а Элизабет Полк мысленно пыталась оценить Грея Пирса. Поглядывая на него исподтишка, она отметила успевшие побледнеть кровоподтеки на одной стороне его лица. В жестокой драке он побывал, наверное, около месяца назад. Благодаря загару, который наверняка скрывал отметины, оставшиеся от других столкновений, его кожа напоминала кованую медь и резко контрастировала с синевой его глаз. Эти глаза словно облили ее жидким льдом, когда он увидел у погрузочных ворот полдюжины мужчин, проверяющих сотрудников музея, и заставил их с Ковальски повернуть обратно.

– Что-то здесь не так, – проговорил он.

Прежде чем они ретировались, Элизабет успела рассмотреть погрузочный док. Огромное помещение было освещено мигающим светом флуоресцентных ламп, заставлено высокими полками с чистящими средствами, а также товарами для магазинчиков и ларьков, торговавших под маркой музея. Единственный электропогрузчик одиноко примостился рядом с подъемными механизмами, которые использовались при доставке особо тяжелых музейных экспонатов. Подъемные стальные ворота справа были открыты, и на фоне тусклого дневного света вдоль них живым кордоном выстроились мужчины в черной форме спецназа. Под непрерывающееся завывание сирены, оповещавшей о срочной эвакуации, они обыскивали каждого рабочего и служащего музея, который хотел покинуть здание этим путем.

В нескольких шагах от ворот стоял, наблюдая за всем этим, узкоплечий мужчина в синем костюме. Видимо, именно он возглавлял здешнюю торговую сеть.

Грей потащил ее обратно по коридору. Элизабет поправила на плече сумку. На ней красовался логотип музея, а внутри покоился странный череп, который ее отец зачем-то спрятал в музейном хранилище. При мысли об отце Элизабет почувствовала тупую боль в груди, и ей захотелось плакать. Однако она подавила эмоции, сказав себе, что сейчас не самый подходящий момент оплакивать утрату.

С лестницы, находившейся дальше по коридору, в противоположном от погрузочной зоны направлении, послышался громогласный голос, приказавший обыскивать каждый уголок. По ступеням загрохотали тяжелые ботинки.

Грей остановился и повернулся к Элизабет.

– Отсюда есть еще какой-нибудь выход?

Она кивнула.

– Служебные тоннели. Мы только что прошли мимо входа в них.

Грей смерил Элизабет взглядом своих ледяных глаз, словно пытаясь оценить ее знания и компетентность.

Она повела их обратно.

– Некоторые сотрудники устраивают там перекуры.

Элизабет виновато взглянула на Грея. Она сама понимала, что надо бы бросить курить. Однако вредная привычка оказалась полезной в плане завязывания дружеских отношений с другими исследователями, в результате чего возникло нечто вроде тайного клуба курильщиков. А платой за такое удовольствие был всего-то риск заполучить эмфизему или рак легких.

– В здании музея курить, разумеется, запрещено. Опасность возникновения пожара и все такое прочее. Но там, внизу, сплошной камень и трубы отопления, так что гореть нечему.

Элизабет подвела их к двери без каких-либо надписей и отперла ее своим электронным ключом-карточкой. За дверью начиналась лестница. Крашенные цементные ступени, вдоль которых тянулись металлические перила, уходили вниз, делая резкие повороты.

Раньше чем они успели войти, их внимание привлекло низкое рычание, послышавшееся со стороны погрузочной зоны, и все трое посмотрели туда. В тридцати ярдах дальше по коридору показался приземистый, хищный силуэт животного. Немецкая овчарка. На собаке, как и

на людях, был черный комбинезон, а от ошейника тянулся поводок, однако человека на другом его конце еще не было видно.

Элизабет застыла.

Собака увидела их и рванулась вперед. Поводок натянулся струной.

– Вперед! – поторопил Грей, толкнул Элизабет в открытую дверь и последовал за ней. Его громадный напарник ввалился туда же.

Внутри было тесно и душно. Система кондиционирования воздуха до этих подвальных помещений не доходила. Единственным источником света служила тусклая лампочка, забранная металлической сеткой.

Грей закрыл дверь, и легкий щелчок электронного замка сообщил, что она снова заперта. Завывания сирены стали глуше.

Они стали спускаться.

– Вы знаете, куда ведут эти тоннели? – спросил Грей.

Женщина с сомнением покачала головой.

– Точно не знаю. Я никогда не заходила дальше, чем было нужно, чтобы покурить. Но говорят, что внизу настоящий лабиринт. Тоннели разбегаются во все стороны и, по слухам, проходят даже под Белым домом. Однако наверняка где-то должен быть и выход в город.

За их спинами в дверь ударило что-то тяжелое и послышался глухой лай. Раздались крики, заставив их ускорить спуск.

– А может, это собака для поиска взрывчатки? – спросила Элизабет. – Может, угроза взрыва реальна?

Ковальски фыркнул.

– Когда находишься рядом с Пирсом, угроза взрыва ласкает слух.

Лестница закончилась, и они оказались перед дверью в виде стальной решетки. Грей отодвинул засов, и дверь со скрипом открылась. Тоннель тянулся в обе стороны – черный, как сажа, душный, пахнувший сырым цементом и наполненный шепотом тонких струек воды.

– Надеюсь, кто-нибудь догадался прихватить фонарь? – поинтересовался Ковальски.

Грей еле слышно выругался. Он оставил фонарь в хранилище.

Элизабет сунула руку в карман и достала зажигалку. Это был старинный серебряный «Данхилл». Женщина открыла ее, чиркнула колесиком, и появился маленький огонек. Опытной рукой она сделала его сильнее.

– Здорово! – хохотнул Ковальски. – Жаль, что я не прихватил из дома одну из своих сигар.

– Я тоже, – буркнула в ответ Элизабет.

Ковальски хотел сказать еще какую-нибудь колкость, но стоило ему открыть рот, как лестницу позади них залил яркий свет. Звук сирены стал громче. Их преследователи преодолели верхнюю дверь.

– Скорее! – Грей пошел направо. – Идите поближе друг к другу.

Элизабет старалась держаться рядом с плечом Грея, Ковальски топал сзади. Женщина старалась держать зажигалку как можно выше, но ее танцующий огонек освещал путь всего на несколько ярдов вперед.

Грей рысил по тоннелю, высоко подняв руку – так, чтобы кончики его пальцев скользили по трубам, тянувшимся наверху. Он свернул в первый же поворот, чтобы не находиться на линии прямой видимости.

Где-то сзади басовито гавкнул пес.

Грей перешел с рыси на бег.

Полы лабораторного халата Элизабет развевались позади нее, как белые крылья. Они свернули в следующий поворот, и от пламени зажигалки вспыхнула паутина.

– Куда мы скачем? – на бегу спросил Ковальски.

– Подальше отсюда, – ответил Грей.

– Ив этом весь ваш гениальный план? Просто «подальше отсюда»?

Сзади раздался злобный лай. Послышались крики. Их след обнаружили.

– Беру свои слова обратно, – поправил сам себя Ковальски. – «Подальше отсюда» меня вполне устраивает.

Тесной группой они влетели в лабиринт тоннелей.

В другом конце города, на лавочке под вишневым деревом, отдыхал Юрий. Как хорошо было наконец присесть! Его колени болели, поясницу, казалось, вот-вот скрутит. Он уже проглотил без воды четыре таблетки «Ал ив», но пока это мало помогало. Дома у него были более сильнодействующие обезболивающие средства, но везти их в Соединенные Штаты он поостерегся. Поскорее бы вернуться в Муравейник!

Юрий вытянул ногу и начал массировать колено.

Пока он отдыхал, солнце стало клониться к закату, заставляя людей и предметы отбрасывать длинные тени на лужайки и пешеходные дорожки. В нескольких шагах от того места, где он сидел, тянулся низкий цементный барьер, в который упиралась дорожка. Возле него толпились детишки и их родители, смеясь и показывая пальцами на обитателей вольера. А там, внизу, был воссоздан маленький кусочек китайского леса: плоские каменные плиты, гроты, пруды и ручьи. На склонах этих причудливых каменных сооружений и вдоль них росли кусты, плакучие ивы, пробковые деревья и бамбук. Обитателями этого маленького рая были Мэй Сян и Тянь Тянь – две гигантские панды, которых Соединенные Штаты на время позаимствовали у Китайской Народной Республики. От восхищенного созерцания этих милых животных не могли оторваться ни взрослые, ни дети.

Включая Сашу.

Девочка стояла, положив руки на парапет, и ритмично била ногой по цементному бордюру. Однако постепенно это движение замедлялось.

Как он и надеялся.

Юрий привез девочку в Национальный зоопарк Вашингтона сразу после представления, которое она устроила для Мэпплторпа. Он давно знал о том, какой успокаивающий эффект оказывают животные на его подопечных. Особенно на Сашу. Сейчас ему не было необходимости делать анализ ее спинномозговой жидкости, чтобы выяснить уровень BDNF – нейротрофического фактора головного мозга. После таких нагрузок, как сегодняшние, он подпрыгивал до пиковых, опасных показателей. Юрий не был готов к этому. Последнее Сашино представление застало его врасплох, и он понял, что ее необходимо срочно успокоить. Оказавшись вдалеке от привычной среды, она была особенно сильно возбуждена и уязвима, а это создавало риск необратимых мозговых повреждений. Ему уже случалось видеть такое. Им понадобились десятилетия, чтобы выявить особые отношения, существующие между детьми-аутистами и животными, и успокаивающий эффект от их общения с представителями животного мира.

Поэтому, пока Мэпплторп обшаривал Музей естественной истории, Раев привез Сашу в самый знаменитый зоопарк американской столицы. Он находился недалеко, и Юрий не боялся заблудиться в чужом городе.

Саша стучала ногой все реже и реже. Она успокаивалась прямо на глазах. Правда, нос ее туфельки был исцарапан и она пришла в полную негодность, но лучше уж туфелька, чем мозг.

Юрий почувствовал, что узел, стягивавший его позвоночник, ослаб. Следующим же рейсом он увезет ее обратно в Россию. Как только они вернутся в Муравейник, он подвергнет ее тотальному медицинскому обследованию: анализы крови и мочи, компьютерно-томографическое сканирование головного мозга. Он должен быть уверен, что она не пострадала.

Но больше всего Юрия интересовало другое: как она смогла стимулировать себя самостоятельно? Это не должно было случиться. Кортикальный имплантат обеспечивал стабиль-

ный уровень стимуляции, отрегулированный индивидуально, в соответствии со способностями каждого ребенка. Сашина выходка в офисе Мэплторпа не должна была произойти, если только ее имплантат не был активирован на расстоянии, что и вызвало подобный эффект.

Так что же это было? Неужели произошел какой-то сбой в ее имплантате? Или его активировал кто-то другой? Или, того хуже, Саша по мере взросления начинала выходить из-под контроля?

Несмотря на жару и приятные ощущения от отдыха, ему стало зябко.

Что-то пошло не так.

Толпа посетителей зоопарка, собравшихся у вольера с бамбуковыми медведями, разразилась восторженными воплями, замигали вспышки фотоаппаратов. Это оживление привлекло к вольеру новых любопытных. Юрий услышал, как дети выкрикивают имя: «Тай Шань! Тай Шань!»

Несмотря на протестующую боль в спине, Юрий выпрямился на лавке. Он знал это имя из брошюры зоопарка. Тай Шань была панда-девочка, родившаяся у Мэй Сян несколько месяцев назад. Наверное, сейчас она выбралась из своего убежища, вызвав ликование толпы.

Люди толкались, чтобы лучше рассмотреть детеныша. Родители поднимали детей и сажали их себе на плечи, фотокамеры бешено моргали вспышками. Встревоженный столь буйным поведением туристов, Юрий встал с лавки. В этой толпе он потерял Сашу из виду. Он знал, что девочка не любит, когда к ней прикасаются.

Пройдя вдоль дорожки, он втиснулся в толпу. Через несколько минут зоопарк закрылся. Пора уходить.

Юрий дошел до парапета, где до этого стояла Саша.

Ее там не было.

С гулко бьющимся сердцем он посмотрел вправо и влево. Никаких признаков ее черных как смоль волос и красных ленточек. Грубо расталкивая людей, сопровождаемый окриками и ругательствами, Юрий снова выбрался из толпы. Он случайно выбил из рук какого-то мужчины фотокамеру, и та упала на асфальт.

Мужчина схватил его за плечо и развернул к себе лицом.

– Поаккуратнее, мистер!

Юрий стяхнул с плеча его руку. Его глаза, в которых плясал неподдельный ужас, встретились с глазами мужчины.

– Моя внучка... Она пропала!

Злость на лице хозяина фотоаппарата сменилась тревогой. Известие тут же облетело всех собравшихся у вольера. Пропал ребенок! Это было именно то, чего больше всего на свете боятся любые родители, бабушки и дедушки. На него посыпались участливые вопросы. Как она выглядит? Что на ней надето? Многие пытались поддержать его добрым словом, уверяли, что девочка непременно найдется.

Оглушенный ударами собственного сердца, Юрий едва слышал, что ему говорят. Он не должен был оставлять ее одну! Не должен был садиться!

Толпа вокруг него редела, и теперь можно было видеть во всех направлениях.

Юрий медленно повернулся вокруг своей оси. Он искал девочку, но уже знал правду.

Саша исчезла.

4

5 сентября, 20 часов 12 минут

Вашингтон, округ Колумбия

– Дверь! – проревел сзади Ковальски.

Грей резко остановился и обернулся. Элизабет Полк поводила в воздухе зажигалкой, и их взорам предстала маленькая железная дверца в углублении стены. Грей поначалу проскочил мимо нее, слишком сосредоточенный на поиске выхода на улицу.

Позади них по тоннелю эхом разносились звуки погони: топот ног и крики людей. Гавкнул пес. Значит, преследователи вновь взяли их след. Грей и его спутники двигались зигзагами, пытаясь оторваться от погони, но все эти усилия оказались тщетными. Ситуация складывалась явно не в их пользу.

Ковальски подскочил к двери и дернул ручку.

– Заперто, – сообщил он и от злости ударил кулаком по металлической поверхности.

Подойдя к нему, Грей заметил под дверной ручкой считывающее устройство электронного замка. Огонек зажигалки осветил маленькую стальную табличку, на которой буквами в стиле ар-деко было выбито:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Эта дверь представляла собой подземный вход еще в один из музеев Смитсоновского института. Стоявшая к двери ближе других, Элизабет провела через считывающее устройство своей служебной карточкой, но замок не отреагировал. Ковальски на всякий случай снова подергал ручку и отрицательно помотал головой.

– Моя карточка работает только в Музее естественной истории, – проговорила женщина. – Но я подумала...

Их внимание привлек ожесточенный лай. Обернувшись, они увидели, что дальний конец тоннеля осветили пляшущие лучи фонарей.

– Нам бы лучше поторопиться, – предупредил Ковальски и отступил от двери.

Прогремел выстрел. Что-то вспыхнуло на железной двери, ударившись в то место, где секунду назад стоял Ковальски. Затем оно упало на цементный пол и стало крутиться, разбрасывая вокруг голубые электрические искры. Ковальски шарахнулся от этой штуки, как слон от мыши.

Грей сразу понял, с чем они имеют дело. Электрошоковый снаряд увеличенной дальности. Он выпускается из стандартного дробовика двенадцатого калибра и, попадая в цель, парализует нервно-мышечную систему. Эта пуля могла свалить с ног горную гориллу.

– МИНИСТЕРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ! – прогремел голос, многократно усиленный громкоговорителем. – **ОСТАНОВИТЕСЬ, ИЛИ МЫ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ СНОВА!**

– Ну вот, теперь они предупреждают нас, – проговорил Ковальски и поднял руки над головой.

Наполовину скрытый огромным телом напарника, Грей повернулся к двери и прогнал через считывающее устройство свою черную карточку «Сигмы». На устройстве вспыхнула крохотная зеленая точка.

«Слава богу!»

– **ПОЛОЖИТЕ РУКИ ЗА ГОЛОВУ! ОПУСТИТЕСЬ НА КОЛЕНИ!**

Грей дернул за ручку, и дверь открылась. Внутри было темно. Протянув руку назад, он схватил Элизабет за локоть. Женщина сморщилась, но затем увидела наполовину открытую

дверь. Тогда она в свою очередь ухватила Ковальски за ремень и потянула. Великан уже положил руки на затылок и медленно опускался на колени. Теперь он оглянулся.

Грей плечом распахнул дверь и втащил Элизабет за собой. Ковальски, потеряв равновесие, упал на одно колено, но затем оттолкнулся от пола и нырнул в дверной проем следом за своими спутниками.

Грей услышал еще один выстрел.

Ковальски, врезавшись в Грея и Элизабет, сбил их с ног, и они покатались по ступеням лестницы, которая начиналась почти сразу за порогом. Ударом ноги он захлопнул дверь, но продолжал колотить в нее, изрыгая ругательства.

– Матьвоювбогадушу...

Грей увидел, что пуля тазера пробила ботинок его напарника и застряла в нем. Движения его ноги были конвульсивными.

Элизабет тоже заметила это. Подскочив к гиганту, она взобралась на него, придавила его колено к полу и каблуком туфельки раздавила электрический заряд. Ковальски дернулся еще несколько раз, а потом судороги прекратились.

Ругань – нет.

Грей поднялся на ноги и, протянув напарнику руку, помог ему встать.

– Тебе повезло, что пуля угодила в ботинок. Кожа не позволила зубцам проникнуть глубже.

– Да уж, повезло! – Ковальски наклонился и потер болевшую ногу через лакированную кожу ботинка. – Козлы! Они испортили мои «Чукка»!

Выстрелы приглушенно звучали все ближе к двери.

– Пошли, – сказал Грей и двинулся вперед.

Ковальски продолжал оплакивать свою загубленную обувь даже тогда, когда они поднимались по лестнице.

– Пусть теперь Кроу покупает мне новую пару!

Перескакивая разом через две ступеньки, Грей не обращал внимания на нытье Ковальски, но тот не унимался.

– Отдайте вы им эту чертову обезьяну. Пусть забирают, если она им так нужна.

– Нет! – в один голос рявкнули Грей и Элизабет.

В голосе женщины Грей услышал злость. Сам он сейчас испытывал то же самое чувство. Ее отец погиб, чтобы уберечь череп от тех, кто теперь гонится за ними. Погиб на руках Грея, и он этого так не оставит.

Преодолев последний пролет лестницы, они оказались перед еще одной дверью. Она тоже была заперта. В нижнюю дверь колотили. Преследователям не потребуется много времени, чтобы раздобыть нужный электронный ключ.

– Вот оно, – сказала Элизабет, указывая на считывающее устройство.

Грей снова использовал свою карточку, и замок со щелчком открылся. Распахнув дверь, он оглянулся. Слухами свет полнится. Наверняка те, кто за ними гонится, уже знают, что они перебрались в здание Музея американской истории.

Грей вывел своих спутников в освещенный коридор. Он был точной копией своих собратьев в Музее естественной истории, только загроможден коробками, которые мешали передвигаться быстро. Грей опробовал свою рацию, но сигнала по-прежнему не было. Они находились слишком глубоко под землей.

– Сюда, – сказал он и направился к лестнице, которая вела вверх.

По пути они едва не сбили с ног электрика в униформе, с мотком провода на плече и тяжелым поясом, увешанным инструментами.

– Эй, – возмущенно воскликнул он, – вы что, не видите, куда идете?..

Что-то в лице Грея заставило его умолкнуть. Он освободил им путь, прижавшись к стене. Пройдя мимо электрика, троица стала торопливо подниматься по лестнице.

Чем выше они поднимались, тем больший хаос их встречал: группы рабочих, ободренные стены, обнаженные воздуховоды. На следующей лестничной площадке им пришлось лавировать между кипами гипсокартона и стопками мраморной плитки. В ушах звенело от завывания дрелей и электропил, в воздухе пахло свежей краской и стружками.

Грей вспомнил, что в Национальном музее американской истории шла глобальная реконструкция, предусматривающая обновление всей его сорокалетней инфраструктуры. Все это делалось для того, чтобы как можно в более выгодном свете представить публике три миллиона исторических экспонатов, представляющих собой подлинные сокровища – от цилиндра Авраама Линкольна до красных башмачков³ Дороти из «Волшебника страны Оз». Музей был закрыт для посетителей на протяжении последних двух лет, но в следующем месяце должен был открыться.

Они вышли в главный зал музея, и, увидев царивший здесь кавардак, Грей решил, что администрации, наверное, придется повременить с открытием экспозиции. Все поверхности были застелены полиэтиленовой пленкой, вдоль стен возвышались строительные леса высотой в трехэтажный дом, величественные лестницы выглядели так, будто по ним прошла орда варваров. Даже огромная люстра под потолком все еще была закрыта бумагой.

Грей ухватил за рукав ближайшего к нему рабочего, плотника с респиратором на лице.

– Выход! Где ближайший выход?

Плотник с подозрением покосился на него.

– Выход на Конститушн-авеню еще закрыт. Вам придется подняться на второй уровень. – Мужчина указал на лестницу. – Там главный вход со стороны Эспланады.

Грей взглянул на Элизабет, и та кивнула, подтверждая слова рабочего.

Они двинулись дальше. Грей снова проверил рацию. По-прежнему ничего. Кто-то или что-то блокировало его сигнал.

Они торопливо дошли до главной лестницы и поднялись на второй уровень. Тут порядка было больше. Зеленые мраморные полы недавно отполировали, и серебристые звезды, которыми они были инкрустированы, ярко блестели. Отсюда отчетливо просматривались стеклянные двери основного входа. Они должны добраться до них раньше, чем...

Нет, слишком поздно.

За дверями показались мужчины с автоматами. Они были в темной форме с наплечными знаками различия.

Грей повел Элизабет и Ковальски обратно.

С первого этажа послышался яростный собачий лай. Потом испуганные крики рабочих.

– Что теперь? – спросил Ковальски.

От дверей выхода на Эспланаду зазвучал громкоговоритель:

– **МИНИСТЕРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ! ЗДАНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОЖДЕНО! ВСЕМ НАПРАВЛЯТЬСЯ К ГЛАВНОМУ ВХОДУ!**

– Сюда, – сказал Грей.

Он повел их в сторону, по направлению к самому большому экспонату на этом этаже. Это была абстрактная инсталляция, изображавшая американский флаг – пятнадцать полос из поликарбоната, напоминающего зеркало.

– Мы не можем все время бежать, – сказала Элизабет.

– Мы и не будем.

– Значит, спрячемся? – спросил Ковальски. – А как же быть с собакой?

³ В голливудской экранизации произведения Фрэнка Баума «Волшебник из страны Оз» башмачки Дороти были не серебряными, как в книге, а красными, украшенными рубиновыми стразами.

– Мы не будем ни бежать, ни прятаться, – заверил его Грей.

Когда они проходили мимо флага, Грей – отдельными ломаными кусочками – увидел в его зеркальной поверхности, как мужчины в униформе выстроились вдоль выхода из музея непроницаемым кордоном.

Дальше их путь лежал мимо строительных лесов, на которых были свалены стройматериалы и рабочая одежда. Грей взял то, что было необходимо для осуществления его замысла. Кое-что он передал Ковальски, себе же оставил банку с краской и пластиковую бутылку с растворителем. Затем направился в коридор, начинавшийся под абстрактным флагом. Ковальски прочитал табличку на стене перед входом в новую галерею и присвистнул.

– Пирс, что вы задумали?

Коридор вел в сердце музея, туда, где были выставлены самые драгоценные экспонаты. Собственно говоря, именно ради них и была затеяна реконструкция.

Они вошли в длинный затемненный зал. Вдоль одной стены выстроились кресла, противоположная представляла собой стеклянную выставочную витрину. Даже бедлам, царивший позади них, казалось, стих из почтения перед историческим сокровищем, хранящимся за этим стеклом, одной из самых почитаемых национальных реликвий. Сложенный вчетверо, истертый пулями кусок хлопка и шерсти, он лежал в наклонной стеклянной витрине и, несмотря на то что его краски выцвели, оставался святыней американской истории – флаг, вдохновивший американцев на создание национального гимна.

– Пирс... – беспокойно окликнул его Ковальски, начиная понимать, что задумал начальник. – Это же звездно-полосатый флаг!

Грей поставил банку с краской на пол и принялся отвинчивать крышку бутылки с легко воспламеняющимся растворителем.

– Пирс, вы же не собираетесь... Даже чтобы отвлечь...

Голос Ковальски предательски дрогнул.

Не обращая на него внимания, Грей повернулся к Элизабет.

– Ваша зажигалка еще при вас?

20 часов 32 минуты

Сидя в офисе охраны Национального зоопарка, Юрий чувствовал, как на него неподъемным грузом навалились все его семьдесят семь лет. Никакие андрогены, стимуляторы и операции не могли бы облегчить той тяжести, что придавила его сердце. От леденящего страха все его конечности онемели и превратились в ноющие от боли куски свинца.

– Мы найдем вашу внучку, – пообещал начальник охраны. – Зоосад уже закрыт, и все занимаются ее поисками.

Юрия оставили в офисе наедине с молодой блондинкой, которой было не больше двадцати пяти. На ней была форменная одежда работников зоопарка песочного цвета, а на лацкане рубашки приколотая карточка с ее именем: «ТАБИТА». Присутствие Юрия заставляло девушку нервничать. Она не знала, как вести себя наедине с человеком, которого постигло такое горе. Табита встала из-за стола и подошла к нему.

– Может быть, вы хотите кому-нибудь позвонить? – спросила она. – Кому-то из родственников?

Юрий поднял голову и несколько долгих секунд изучал взглядом девушку, ее щеки, напоминавшие спелые яблоки, думая о том, какая долгая жизнь лежит перед ней. Он осознал, что и сам был не многим старше, когда выпрыгнул из разбитого грузовика в Карпатских горах. Как бы ему хотелось, чтобы того дня никогда не было и он не нашел бы тот цыганский поселок!

– Так вы хотите позвонить? – снова спросила девушка.

– Да, – ответил Юрий по-русски и медленно кивнул.

Сколько же можно откладывать неизбежное? Он уже и так побеспокоил Мэплторпа – для того, чтобы не столько доложить о случившемся, сколько заручиться содействием полицейских властей. Но тот слушал невнимательно и постоянно отвлекался, поскольку командовал охотой за тем, что у них украли.

Мэплторп обронил какую-то фразу относительно дочери профессора Полка, но Юрия сейчас все это уже не интересовало. Главное, американец обещал объявить желтый уровень тревоги с целью найти пропавшую девочку. Будут мобилизованы все ресурсы округа Колумбия и соседних округов. Ее необходимо найти!

Саша...

Перед глазами Юрия стояло ее круглое личико и светлые глаза. Нельзя было отходить от нее ни на шаг. Оставалось надеяться только на то, что она попросту заблудилась. Однако в парке, полном зверей, даже лучший из сценариев таил в себе опасность. А вдруг кто-то похитил ее, увел обманом? В ее нынешнем состоянии девочка уступчива, податлива, ее можно уговорить на что угодно. Юрию приходилось сталкиваться с изрядным числом педофилов. На раннем этапе существования Муравейника они попадались даже среди его сотрудников. Ведь там было так много детей! Слишком много детей. Без ошибок было не обойтись.

Но не все посягательства на детей относились к категории «ошибок».

Юрий мысленно шарахнулся от этой мысли.

Табита принесла радиотелефон.

Юрий мотнул головой и достал свой сотовый.

– Спасибо, но мне нужно сделать международный звонок, – пояснил он. – В Россию. Ее бабушке. Я позвоню по своему телефону.

Табита понимающе кивнула.

– Тогда не буду вам мешать, – сказала она и вышла в соседний кабинет.

Оставшись один, Юрий набрал международный номер. Маленький электронный чип, разработанный специалистами российской разведки, заставит сигнал отразиться от целой серии ретрансляционных башен, благодаря чему его будет невозможно отследить. Параллельно с этим устройство будет шифровать разговор.

Он боялся этого звонка, но не мог ждать дольше. Муравейник необходимо предупредить, но сейчас у них там раннее утро, нет еще и четырех часов. Тем не менее уже после второго гудка на вызов ответил отрывистый и резкий голос:

– В чем дело?

Юрий представил себе женщину на том конце линии, свою начальницу, доктора Савину Мартову. Они вдвоем нашли детей, организовали Муравейник, но благодаря своим связям в КГБ Мартова обошла Юрия по служебной лестнице и стала главной. В России часто говорили: из КГБ не уходят. Что бы ни думали западные лидеры, то же относилось и к нынешнему российскому президенту. Он до сих пор окружал себя бывшими сотрудниками советской разведки, в результате чего бразды правления оказались в руках у выходцев из спецслужб.

Доктор Савина Мартова не являлась исключением.

– Савина, у нас тут крупные проблемы, – заговорил он по-русски и сразу же представил себе, как застыло ее лицо.

Как и Юрий, она также прибегала к хирургии, гормональной терапии и косметологии, но с гораздо более впечатляющим результатом. Ее волосы были по-прежнему темными, черты несколько не увяли. Сегодня она могла бы сойти за сорокалетнюю, и Юрий, кажется, знал почему. В отличие от него Савина не находилась в состоянии непрекращающейся войны с собственной совестью, не мучилась чувством вины. В глазах этой женщины светилась уверенность в правоте своих взглядов и поступков. Глубинную суть этого обмана можно было обнаружить, лишь заглянув глубоко в ее глаза. Никакие лекарства не могли замаскировать холодный расчет, поселившийся в них многие годы назад.

– Ты еще не нашел то, что у нас украли? – жестким тоном спросила она. – Я уже слышала о том, что Полк ликвидирован. Так почему же...

– Дело в Саше. Она пропала.

На другом конце линии воцарилось молчание.

– Савина, ты слышишь меня?

– Да. Я только что получила отчет от одного из работников спального корпуса, вот почему, несмотря на ранний час, я уже на ногах. Они обнаружили три пустые койки.

– Кто? Кто из детей пропал?

– Константин, его сестра Киска и Петр.

Савина рассказывала о том, что поиски ведутся по всему Муравейнику, но для Юрия ее голос звучал глухо, словно она говорила из глубокого колодца. Его мысли были заняты другим. Петр.

Это был Сашин брат-близнец.

– Когда? – выпалил Юрий. – Когда они могли исчезнуть?

Савина коротко вздохнула.

– На вечерней проверке, как доложила дежурная сестра-хозяйка, все были на месте. Значит, они пропали в течение последнего часа.

Юрий посмотрел на часы.

Примерно в то же время, когда исчезла Саша.

Было ли это простым совпадением, или Петр каким-то образом почувствовал опасность, грозящую сестре? Может, это заставило его запаниковать? Но прежде Петр никогда не демонстрировал подобных способностей. Его талант эмпатии был силен, особенно когда дело касалось животных. И все же, являясь близнецами, они были гораздо ближе друг другу, нежели обычные брат и сестра. Эти двое даже разговаривали на своем особом, непонятном для остальных языке.

Юрий прижимал к уху трубку, а в голову ему лезли мысли одна страшнее другой. Например, о том, что событиями управляют какие-то неведомые силы, чья-то загадочная рука.

Но чья?

– Найди девочку! – выкрикнула Савина, заставив Юрия отвлечься от невеселых дум. – Найди, пока еще не поздно. Ты знаешь, что должно произойти через два дня.

Он знал. Знал даже слишком хорошо. Произойти должно было то, чему они посвятили многие десятилетия напряженного труда, ради чего совершили столько актов жестокости. И все это во имя...

Сбоку от него хлопнула дверь. Вернулся начальник охраны зоопарка. На его загорелом лице было угрюмое выражение, в котором сочетались огорчение и тревога.

– Я найду ее, – твердо проговорил Юрий в трубку, адресуясь скорее себе, нежели начальнице, а затем закрыл телефон, повернулся к высокому мужчине и спросил, перейдя на английский: – Вы отыскали мою внучку?

– Увы, нет. Мы прочесали весь парк, но не нашли никаких следов девочки.

У Юрия упало сердце.

Начальник охраны, казалось, колебался, и, когда он заговорил снова, его голос звучал нерешительно:

– Однако я должен вам кое-что сказать. Поступило сообщение о том, что девочку, которая подходит под описание вашей внучки, посадили в фургон у южного выхода из зоопарка.

Юрий вскочил со стула. Его глаза округлились.

Охранник поднял руку, призывая его к терпению.

– Полиция округа Колумбия уже занимается этим. Возможно, это ложный след. А больше мы пока ничего не можем сделать.

– Вы обязаны что-то делать!

– Мне очень жаль, сэр. Мне также сообщили, что кто-то из ФБР приказал организовать для вас охрану. Они вот-вот придут сюда и отвезут вас в ваш отель.

Юрий понял, что без Мэплторпа здесь не обошлось.

– Благодарю вас. Спасибо вам за все, что вы сделали. – Юрий подошел к двери и взялся за ручку. – Я... Мне нужно на свежий воздух.

– Разумеется. Снаружи есть скамейка.

Юрий вышел из офиса охраны. Увидев скамейку, он направился к ней, но, оказавшись вне зоны видимости из окон конторы, садиться не стал, а прошел мимо скамейки и направился к выходу из зоопарка.

Юрий не имел права оказаться под контролем Мэплторпа. Даже теперь. Этот дурак знал лишь малую толику того, что происходит. Юрий сообщил ему ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы разжечь интерес разведывательных кругов США. Они даже не подозревали, как изменится мир через несколько дней.

Он должен найти Сашу раньше Мэплторпа.

И сделать это можно было только одним способом.

Пройдя на выходе из зоопарка через полицейский кордон, Юрий остановился и набрал номер на своем сотовом, вновь задействовав систему шифрования. Как и до этого, ответили почти сразу, но на сей раз – автоответчик.

– Вы позвонили на международный коммутатор «Арго инкорпорейтед». Пожалуйста, оставьте сообщение...

Эта компания являлась прикрытием «Ясонов», а псевдоним «Арго» было выбран потому, что так назывался корабль мифического Ясона. При мысли о том, насколько это глупо, Юрий, дожидаясь сигнала автоответчика, сокрушенно покачал головой. Несколько часов назад он убил одного из них, но теперь сам нуждался в помощи тайного общества американских ученых. И он знал, как связаться с ними. В годы холодной войны тогдашние противники вели незримую войну за технологическое превосходство, причем ученые каждой из сторон пользовались неограниченной поддержкой военного истеблишмента и разведывательных служб. В качестве оружия в этой войне применялся не только интеллект, но и самые подлые средства: диверсии, насилие, шантаж. Однако при этом ученые с обеих сторон пользовались определенной свободой действий и независимостью от вояк. За несколько десятилетий они усвоили две вещи. Во-первых, у них есть много общего, и, во-вторых, что еще важнее, существует определенная черта, через которую не переступит ни одна ни другая сторона.

Когда такое понимание сформировалось окончательно, были разработаны способы взаимодействия. В частности, так называемая тревожная кнопка. Вот и сейчас Юрий назвал свой зашифрованный сотовый номер и произнес кодовое слово, принятое еще во время холодной войны:

– Пандора.

20 часов 38 минут

Из зала Звездно-полосатого флага валили клубы дыма.

Грей и его спутники стояли в коридоре, соединяющем зал Флага с центральным залом музея. Предварительно они натянули комбинезоны маляров и скрыли лица под респираторами. Для убедительности Грей даже обрызгал комбинезоны свежей краской.

Он наклонился и заглянул в зал Флага. От дыма щипало в глазах, но ему удалось разглядеть пламя, танцующее на лужах растворителя, который он разлил по деревянному полу. В следующий момент оживила противопожарная система и с потолка во все стороны брызнула вода. Взыла сирена пожарной сигнализации.

Грей подождал еще несколько секунд, желая убедиться в том, что стеклянная витрина, в которой хранился флаг, осталась сухой. Он знал, что витрина представляет собой герметичную

камеру, главной задачей которой являлось сохранение национальной реликвии для грядущих поколений. Теперь она защитит флаг от дыма и воды.

Убедившись в том, что святыне ничто не угрожает, он переключил внимание на центральный зал. Снова слышались крики рабочих. Они и без того были напуганы предупреждением о возможном взрыве бомбы, а тут еще дым и рев пожарной сигнализации.

Грей выглянул в центральный зал и посмотрел в сторону выхода. Предупрежденные через мегафон о необходимости воспользоваться именно этим выходом, мужчины и женщины толпились возле него, толкаясь и наступая друг другу на ноги. В руках у многих были рюкзаки и ящики с инструментами. Паника толкала людей к дверям, где каждого выходящего методично обыскивали вооруженные мужчины и обнюхивали две немецкие овчарки.

– Пошли, – сказал Грей.

Под прикрытием дыма и царящего кругом страха они присоединились к рабочим на выходе, предварительно разойдясь по одному, чтобы спецназовцы не признали в них ту троицу, за которой они бегали по тоннелям. Влиться в паникующую толпу было все равно что прыгнуть в бушующее море у скалистого берега. Их толкали, пинали, лягали, сдавливали со всех сторон. Грей старался не упускать из виду двоих своих товарищей по несчастью.

Людская масса постепенно несла их к выходу. Несмотря на толкучку, вооруженным мужчинам каким-то образом удавалось поддерживать на выходе некое подобие порядка. Обыски продолжались, но теперь уже носили более поверхностный характер. Возбужденные шумом и сутолокой, собаки лаяли и натягивали поводки.

Грей крепче ухватился за сумку, висевшую у него на плече, и переместил ее на грудь. Если понадобится, он пробьет себе дорогу сквозь вооруженную цепь, как бык, как нападающий в американском футболе в последнем рывке к воротам.

Посмотрев вбок, он увидел, как толпа вынесла Элизабет через двери и бросила прямо в руки спецназовцев. Ее торопливо обыскали и велели уходить. Когда женщина проходила мимо одной из собак, та разразилась лаем и стала рваться с поводка. Нет, животное не опознало ее запах. Просто овчарка была возбуждена и сбита с толку происходящей суетой. Заглушить запах Элизабет помогли дым и свежая краска на комбинезоне. Она пошла прочь от кордона и скрылась в сумерках Эспланады.

На очереди был Ковальски. Чтобы сделать маскировку более достоверной, в каждой руке он нес по банке с краской, с помощью которых расчищал себе путь. Его тоже обыскали. Солдаты даже открыли банки.

Грей затаил дыхание. Скверно. Паника скомкала процедуру обыска, но не до такой степени, как он рассчитывал.

Досмотрев Ковальски, один из спецназовцев махнул рукой, веля ему уходить в сторону Эспланады.

Грей вышел из дверей и наткнулся на ладонь человека в черной форме.

– Руки вверх! – скомандовал тот.

Приказ был подкреплён стволом автомата, упершимся Грею в грудь.

Чужие руки проворно ощупали его с головы до ног. К счастью, Грей предусмотрительно отстегнул от лодыжки кобуру с пистолетом и бросил ее в мусорную урну в музее.

И все же...

– Откройте сумку!

Грей понимал, что протестовать или сопротивляться бесполезно. Он бросил сумку на асфальт, расстегнул ее и достал единственный находившийся в ней предмет – электрическую шлифовальную машину. Тот, кто его обыскивал, перевернул сумку и потряс ее над тротуаром, желая убедиться, что в ней ничего не осталось, а затем махнул рукой, веля Грею убираться прочь.

Проходя мимо собаки, Грей заметил мужчину в костюме, стоящего поодаль. На нем не было бронезиления, зато в его ухе было закреплено телефонное блютуз-устройство. Мужчина отдавал незримому собеседнику какие-то приказы, и было очевидно, что он тут главный. Грей сразу вспомнил, что видел этого же человека в погрузочной зоне Музея естественной истории. Поравнявшись с ним, Грей скосил глаза на служебную карточку, прикрепленную к нагрудному карману пиджака, и прочитал три буквы: АВР. Агентство военной разведки.

Значилось на карточке и имя ее владельца: «МЭППЛТОРП».

Пока загадочный Мэплторп не обратил внимания на проявляемый к его персоне интерес, Грей ускорил шаг, направляясь к Эспланаде. Вскоре он присоединился к двум остальным, поджидавшим его в отдалении от музея. Со стороны они не могли выглядеть подозрительно: трое обычных работяг, собравшихся поболтать во время перерыва.

Грей вновь постучал по микрофону рации. Он пытался поднять «Сигму» по тревоге. Наконец ему ответил знакомый голос:

– Грей! Куда ты запропастился?

Это был Пейнтер Кроу.

– Нет времени объяснять, – ответил Грей. – Мне нужна машина без опознавательных знаков. Пусть остановится на углу Четырнадцатой и Конститушн.

– Сейчас будет.

Направляясь к оговоренной точке эвакуации, Грей протянул руку в сторону Ковальски. Великан отдал ему одну из банок с краской.

– Мне противно даже нести эту гадость. Прямо мурашки по коже.

Когда банка оказалась у него, Грей вздохнул с облегчением. На дне ее лежал странный маленький череп. Грей справедливо рассудил, что вряд ли кому-то захочется шарить рукой в густой латексной краске, особенно если банку несет рабочий, чей комбинезон заляпан этой же краской. После того как череп очистят, возможно, они наконец сумеют получить хоть какие-то ответы.

– У нас получилось! – торжествующе произнесла Элизабет.

Грей промолчал.

Он знал, что до завершения этой истории еще очень далеко.

Через полмира от Вашингтона, в темной комнате без окон, проснулся мужчина. На стоявшей рядом панели круглосуточно работающих приборов светились маленькие огоньки. Он узнал моргание и ритм электрокардиографа, его нос уловил запах антисептика и йода. Ошеломленный, он резко дернулся на кровати. Огоньки поплыли перед глазами разноцветными испуганными рыбками.

Эта картинка вызвала к жизни что-то важное. Воспоминания.

Огоньки в темной воде...

Он пытался сесть, но локти были привязаны к поручням кровати. Больничной кровати. Он даже не мог оторвать руки от одеяла. Обессиленный, он снова упал на подушку.

«Я что, попал в аварию?»

Сделав вдох, мужчина вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит. Это было какое-то тревожное, щекочущее чувство. Он повернул голову и с трудом разглядел прямоугольник дверного проема. На пороге стояла темная фигура. Вот она двинулась, послышался звук шагов по кафельному полу, а затем шепот на незнакомом языке. Судя по звучанию слов, это был русский.

– Кто здесь? – хрипло спросил он.

Его гортань горела, словно он хлебнул кислоты.

Молчание. Темнота была неподвижна, словно смерть.

Задержав дыхание, он ждал.

Внезапно у двери вспыхнул свет. Он слепил, причинял боль глазам. Мужчина инстинктивно попытался поднять руку, чтобы заслонить глаза, забыв о том, что руки привязаны к кровати.

Он беспомощно моргал. Свет исходил из маленького фонарика-ручки, и благодаря ему он увидел, как в его комнату крадучись вошли три маленькие фигуры. Дети. Фонарик держал мальчик лет двенадцати или тринадцати. Другой рукой он заботливо обнимал за плечи девочку на год или два младше его. Последним шел маленький мальчик, не старше восьми лет. Они подошли к кровати – боязливо, словно приближались к логову льва.

Самый высокий мальчик, который явно был их вожаком, повернулся к самому маленькому и что-то сказал ему по-русски. Слов было не разобрать, но, судя по интонации, это был вопрос. Он назвал своего спутника именем, напоминавшим английское Питер. Младший кивнул, указал на кровать и забормотал что-то на русском, причем в голосе его звучала уверенность.

Мужчина повернулся на кровати и наконец сумел с усилием прохрипеть:

– Кто вы? Что вам нужно?

Старший заставил его замолчать, направив ему в лицо луч фонарика, и с тревогой посмотрел на открытую дверь. После этого дети разделились. Старший мальчик и девочка принялись распутывать ремни, которыми были примотаны к кровати его конечности, а самый младший продолжал стоять на прежнем месте с широко открытыми глазами. Как и его спутники, он был одет в широкие штаны, темно-серую водолазку, а также курточку и вязаную шапочку того же цвета. Мальчик смотрел прямо на него, и это раздражало, поскольку мужчине казалось, будто ребенок читает что-то у него на лбу.

Когда его руки оказались свободны, он сел. Комната снова поплыла перед глазами, но не так сильно, как в первый раз. Чтобы обрести равновесие, он провел рукой по голове и обнаружил, что его череп совершенно лыс. Несколько швов, которые он нащупал за левым ухом, утвердили мужчину в его первоначальном предположении. Вероятно, он действительно попал в аварию и ему обрили голову для проведения хирургической операции. И все же ощущение лысой головы под собственной ладонью почему-то казалось до боли знакомым и естественным.

Прежде чем он успел разрешить в уме эту дилемму, мужчина поднес к глазам вторую руку. По крайней мере, попытался. Потому что она заканчивалась культей в районе запястья. От испуга и неожиданности его сердце гулко забилося. Авария, в которую он попал, видимо, была поистине страшной. Его целая рука гладила аккуратные стежки швов за ухом, как будто читая азбуку Брайля. Да, несомненно, это следы недавней операции. Однако его культя выглядела давно зажившей и даже огрубела. Он как будто почувствовал отсутствующие пальцы и от охватившего его отчаяния сжал их в невидимый кулак.

Старший мальчик отступил от кровати.

– Пойдем, – проговорил он на английском языке.

Из того, как скрытно действовали его избавители и какой таинственностью было обставлено его освобождение, мужчина сделал вывод о возможном существовании некоей опасности. Одетый в больничную пижаму, он спустил ноги на холодный кафельный пол. Комната снова пришла в движение.

– О-о-ох...

К горлу подступила тошнота.

– Скорее! – поторопил его старший мальчик.

– Подожди, – простонал мужчина, хватая ртом воздух, чтобы утихомирить желудок. –

Объясни, что происходит.

– Нет времени, – сказал мальчик и двинулся к двери.

Он был неуклюжим, словно состоял только из рук и ног. Он пытался говорить властным тоном, но ломающийся голос выдавал его юный возраст и владеющий им страх. Приложив ладонь к груди, мальчик представился:

– Меня зовут Константин. Ты должен идти. Пока не стало поздно.

– Но я... Я не...

– Да. Ты растерян. Пока же знай: тебя зовут Монк Коккалис.

Усмехнувшись, мужчина покрутил головой.

Монк Коккалис.

Это имя ему ничего не говорило. Он собрался возразить, исправить эту ошибку, но вдруг осознал, что его память обезоружена, а в том ее месте, где должно было находиться его имя, остался холостой патрон. Сердце сжалось, превратившись в болезненный комок, охватившая его паника мешала видеть. Как такое возможно? Мужчина снова пощупал швы за ухом. Он получил удар по голове? Оказался контужен? Он пытался отыскать внутри себя хоть какие-то воспоминания помимо тех минут, которые, проснувшись, провел в этой комнате, но там, где он искал, не было ничего. Сплошная пустыня.

Что же произошло?

Он вновь посмотрел на электрокардиограф, от которого к его груди тянулись провода. В углу стоял измеритель кровяного давления, рядом – металлический шест для капельниц. Но если он в состоянии назвать все окружающие предметы, почему ему не удастся вспомнить собственное имя? Он шарил в своем прошлом в поисках чего-то, за что можно уцепиться, но за пределами этой комнаты царила пустота. У него больше не было памяти.

Самый маленький из детей словно почувствовал отчаяние, охватившее взрослого, и подошел к кровати. Свет от тонкого фонарика отражался в его голубых глазах. Монк, если это действительно было его имя, почувствовал, что малыш знает о нем больше, чем он сам. Словно доказывая это, мальчик прочитал все, что творилось у него в душе, и произнес единственные слова, которые могли заставить его подняться с кровати. Протянув руку ладонью вверх, будто прося милостыню, он сказал:

– Спаси нас.

5

5 сентября, 21 час 30 минут

Вашингтон, округ Колумбия

– Чернобыль? – переспросила Элизабет. – Что понадобилось отцу в России?

Она смотрела на двух мужчин, сидевших напротив нее за кофейным столиком. Сама она устроилась в кресле, спиной к окну, выходящему на зелень парка Рок-Крик. Их привезли в это место после того, как забрали от музея. Грей сказал, что это конспиративная квартира и совершенно безопасное место, но от его слов Элизабет вовсе не почувствовала себя в безопасности. Все происходящее чересчур напоминало шпионский роман. Однако очарование дома – уютного, двухэтажного, построенного из клинкерного кирпича и обшитого обожженным тигровым деревом – успокоило ее.

Хотя бы немного.

По приезде сюда она долго умывалась: оттирала руки и плескала водой в лицо, но ее волосы все равно пахли дымом, а ногти были испачканы краской. После этого Элизабет долго сидела на крышке стульчака, спрятав лицо в ладонях и пытаясь разобраться в событиях последних часов. Она не осознавала, что плачет, пока не почувствовала, что ладони мокры от слез. Слишком много всего на нее обрушилось. У нее до сих пор не было времени свыкнуться с мыслью о том, что отца больше нет. Хотя у нее не было сомнений в том, что это правда, Элизабет пока не была готова смириться с этим жестоким фактом.

И не будет готова до тех пор, пока не получит ответы на некоторые вопросы.

Именно эти вопросы в конце концов выгнали ее из ванной.

Элизабет смотрела на нового для нее человека, сидевшего за кофейным столиком. Он был представлен ей как босс Грея, директор Пейнтер Кроу. Элизабет изучала его. У него были угловатые черты и загорелое лицо. Будучи антропологом, она сразу же прочитала в его глазах наследие, доставшееся ему от его предков, американских индейцев, и их леденистый голубой цвет не мог ввести ее в заблуждение. Над ухом в его черных волосах белела седая прядь, напоминавшая перо цапли.

Мужчины сидели на диване, склонившись над ворохом бумаг, рассыпанных на столе.

Раньше чем она успела задать мучившие ее вопросы, с кухни вернулся Ковальски в носках. Его полированные ботинки стояли на полке холодного камина.

– Вот, нашел крекеры «Ритц» и что-то типа сыра, – оповестил он присутствующих. – В этом я, правда, не уверен. Зато у них есть салями.

Он наклонился и поставил тарелку перед Элизабет.

– Спасибо, Джо, – сказала она, тронутая этим незатейливым проявлением заботы посреди царящей вокруг неразберихи.

От смущения у великана вспыхнули уши.

– Не за что, – прогудел он и выпрямился, затем ткнул пальцем в тарелку, но позабыл, что хотел сказать, и, помотав головой, ретировался к камину, чтобы в очередной раз осмотреть свои ботинки.

Пейнтер откинулся на спинку дивана, и Элизабет переключила внимание на него.

– Что касается Чернобыля, то мы не знаем, зачем ваш батюшка ездил туда. Более того, мы проверили его паспорт, и там нет записей о том, что он выезжал из страны, посещал Россию и затем вернулся в Соединенные Штаты. Последняя запись о его путешествиях сделана пять месяцев назад. Он летал в Индию. Больше о его перемещениях нам ничего не известно.

Элизабет кивнула.

– Он часто ездит туда. По крайней мере дважды в год.

– В Индию? Зачем? – спросил Грей.

– У него исследовательский грант. Будучи неврологом, он изучал биологическую основу инстинктов. Он работал совместно с профессором психологии в университете Мумбая.

Грей посмотрел на своего босса.

– Я проверю, – сказал Пейнтер. – Мне уже приходилось слышать о том, что ваш отец проявляет интерес к изучению инстинктов и интуиции. Собственно говоря, именно по этой причине его и взяли в «Ясоны».

Последняя фраза была адресована Грею, но Элизабет напряглась при упоминании этой организации. Она не могла скрыть отвращения.

– Так вы о них знаете... о «Ясонах».

Пейнтер посмотрел на Грея, а затем вновь перевел взгляд на Элизабет.

– Да, мы знаем, что ваш отец работал на них.

– Работал? Уместнее сказать, что он был одержим ими.

– Что вы имеете в виду?

Элизабет рассказала о том, как работа с военными переросла у отца во всепоглощающую страсть. Каждое лето он пропадал на один-два месяца, а иногда и больше, остальная же часть года была посвящена выполнению им своих обязанностей в качестве профессора Массачусетского технологического института. В результате дома он бывал очень редко. Это привело к тому, что отношения между ее родителями стали крайне напряженными, взаимные обвинения перешли в ссоры. Мать думала, что у отца роман на стороне.

Подобная обстановка в доме еще больше отделила отца от семьи. Крепкий некогда брак рассыпался на куски. Мать, уже находившаяся на грани алкоголизма, перешагнула эту грань. Когда Элизабет было шестнадцать, мать, напившись до чертиков, села за руль их внедорожника и свалилась на нем в реку Чарльз. Был ли это несчастный случай или самоубийство, установить так и не удалось.

Но Элизабет знала, кто являлся истинным виновником случившегося.

После этого она редко разговаривала с отцом. Каждый из них замкнулся в своем собственном мире. Теперь не стало и отца. Навсегда. Несмотря на горечь потери, она все же не могла окончательно вырвать из сердца обиду на этого человека. Даже его странная смерть превратилась для нее в мучительный кроссворд.

– Как вы считаете, участие отца в деятельности «Ясонов» как-то связано с его смертью? – спросила она наконец.

– Трудно сказать, – покачал головой Пейнтер. – Расследование только началось. Но мне удалось узнать, с каким из секретных военных проектов была связана работа вашего отца. Этот проект назывался...

– «Звездные врата», – закончила за него Элизабет.

Удивление, отразившееся на лице директора, польстило ей.

Ковальски, сидевший в кресле у камина, встрепенулся.

– Эй, я смотрел этот фильм! Там инопланетяне и всякое такое, да?

– Нет, Джо, это не те «Звездные врата», – ответила Элизабет. – А вы, мистер Кроу, не волнуйтесь. Мой отец не разглашал государственных секретов. Просто я пару раз случайно слышала, как он упоминал название этого проекта. А потом, лет десять спустя, я прочитала рассекреченный доклад ЦРУ, обнародованный благодаря закону о свободе информации.

– В чем суть этого проекта? – осведомился Грей.

Пейнтер мотнул головой в сторону лежавшей на столе стопки документов.

– Все детали – здесь, вплоть до времен холодной войны. Официально проект курировал второй по величине мозговой центр страны, Стэнфордский исследовательский институт, который впоследствии разработал технологию «стелс». Но тогда, в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, ЦРУ поручило институту выяснить, возможно ли использовать парапсихологию для сбора разведанных.

– Парапсихологию? – переспросил Грей, удивленно вздернув брови.

Пейнтер кивнул.

– Телепатию, телекинез... Но в первую очередь они сосредоточили свои усилия на изучении ясновидения. Этот феномен называется также «дальновидением» или «видением на расстоянии». Индивидуумы, обладающие таким даром, могли бы следить за различными местами и событиями, находясь за тысячи миль от них, одной только силой своего сознания.

Ковальски в своем углу презрительно фыркнул.

– Психопионы!

– Да, это звучит безумно, но не забывайте: в самые мрачные дни холодной войны любое преимущество, завоеванное Советами, должно было стать достоянием нашей разведки. Любой технологический перевес в пользу противника считался недопустимым. Советский Союз шел на все ради достижения цели. Для Советов парапсихология являлась мультидисциплинарной областью знаний, в которую входили бионика, биофизика, психофизика, психология и нейрофизиология.

Пейнтер кивнул в сторону Элизабет.

– Вот и работы вашего отца в области исследования интуиции и инстинктов. Это из области нейрофизиологии.

Элизабет покосилась на Грея. Взгляд его был недоверчивым, однако он молчал и слушал. Она решила последовать его примеру.

– В отчетах ЦРУ говорится, что Советы добились первых успехов. В тысяча девятьсот семьдесят первом году советская программа, хотя она и без того относилась к разряду секретных, была засекречена вообще намертво – так, будто ее и не бывало. Ручеек информации пересох. Единственное, в чем мы были уверены, так это в том, что исследования в России продолжаются и финансирует их КГБ. Нам было необходимо дать адекватный ответ, иначе мы остались бы позади. Вот тогда к работе и подключили Стэнфордский исследовательский институт.

– И какими были результаты? – спросил Грей.

– В лучшем случае смешанные, – ответил Пейнтер.

Элизабет тоже читала рассекреченный доклад.

– Откровенно говоря, этот проект оказался не очень успешным, – сказала она.

– Это не совсем так, – возразил Пейнтер. – В официальных отчетах говорится, что ясновидение давало результаты в пятнадцати процентах из ста, а это гораздо выше среднестатистических показателей. Кроме того, имелись и вовсе исключительные случаи. Взять, к примеру, нью-йоркского художника Инго Сванна. Он был способен в мельчайших деталях описать здание, получив только его географические координаты – широту и долготу. Его попадания, по словам некоторых официальных лиц, достигали восьмидесяти пяти процентов.

Пейнтер, должно быть, прочитал сомнение в глазах своих слушателей и постучал пальцем по стопке бумаг.

– Эксперименты Стэнфордского исследовательского института были продублированы в Форт-Миде⁴ и лаборатории по изучению аномальных явлений Принстонского университета. Один из самых известных случаев связан с похищением и спасением бригадного генерала Джеймса Дозьера. По словам физика, курировавшего проект, один ясновидящий назвал город, куда перевезли похищенного, а второй описал здание, в котором его держали. Описал детально, вплоть до кровати, к которой был прикован генерал. От таких результатов трудно отмахнуться.

– И все же отмахнулись, – проговорила Элизабет. – Насколько мне известно, исследования заморозили в середине девяностых. Затем программу вообще закрыли.

⁴ Форт-Мид – город в американском штате Мэриленд, где расположена штаб-квартира Агентства национальной безопасности США.

– Не совсем, – загадочно произнес Пейнтер.

Но прежде чем он успел объяснить свою реплику, его перебил Грей.

– Однако если вернуться к началу... Какое отношение все это имело к «Ясонам»?

– Ага, я как раз хотел перейти к этому. Судя по всему, Стэнфордский исследовательский институт, подобно Советам, начал расширять границы своих исследований, распространяя их на другие дисциплины.

– Вроде нейрофизиологии, которой занимался доктор Полк, – подсказал Грей.

Пейнтер кивнул.

– Поскольку проект был засекречен, власти привлекли к работе двух ученых из числа «Ясонов», поручив им проводить параллельные исследования. Одним из них был ваш отец, Элизабет, а вторым – доктор Трент Макбрайд, инженер-биомедик, специальностью которого являлась физиология мозга.

Это имя было знакомо Элизабет. Она помнила поздние визиты в их дом, когда отец надолго запирался в своем кабинете с различными людьми, среди которых был и доктор Макбрайд. Да и сложно было забыть этого громогласного и добродушного мужчину. Он приносил ей подарки – первые издания книг про Нэнси Дрю.

– Я пытался связаться с доктором Макбрайдом, – продолжал Пейнтер, – но повсюду мне говорили только одно: о нем никто ничего не слышал вот уже пять месяцев.

Элизабет почувствовала озноб.

– Пять месяцев... Именно тогда отец улетел в Индию.

Они с Греем обменялись обеспокоенными взглядами.

Что же, в конце концов, происходит?

21 час 40 минут

Юрий Раев вышел из лифта на подземном этаже исследовательского учреждения. После того как Юрию перезвонили, ему понадобилось сорок пять минут, чтобы доехать до Военно-медицинского исследовательского института Уолтера Рида в Мэриленде. Здание представляло собой полмиллиона квадратных футов лабораторных площадей, большая часть которых была предназначена для проведения биологически опасных исследований. Это означало, что здесь работают со всеми разновидностями инфекционных заболеваний.

Чтобы связаться с «Ясонами», Юрий использовал пароль тревоги – «Пандора». Потребовалось еще десять минут для того, чтобы его вызов дошел до тех, кто был ему нужен, «тайного кабинета» организации, представители которого сотрудничали с русскими в осуществлении проекта, направленного «на благо обеих наций». Юрий надеялся заручиться поддержкой «Ясонов», которые могли бы помочь ему вырвать Сашу из лап Мэпплторпа. «Ясоны», обладая разносторонними научными познаниями, понимали, с какой деликатностью необходимо обращаться с подобным ребенком – как в физиологическом, так и в психологическом плане. А вот Мэпплторп, наоборот, балансировал на грани допустимого, движимый политическими амбициями и слепым эгоизмом. Юрий не доверял этому человеку.

Однако теперь, когда Саша пропала, ему были нужны союзники на американской земле.

Юрию было предложено встретиться с доктором Джеймсом Ченом, неврологом и членом «тайного кабинета», чтобы выработать план совместных действий. На встрече должен был присутствовать еще один член «Ясонов». «Человек, который сможет помочь», – сказали ему.

Получив четкие инструкции и пропуск в здание, Юрий шел по коридору. В столь поздний час все двери были закрыты. На этом уровне было мало лабораторий. Запах хлорки щекотал нос и маскировал другой, мускусный запах. За одной из дверей послышались звуки, напоминавшие обезьяний визг. Должно быть, здесь держали подопытных животных, поэтому и людей тут сейчас не было.

Он заглянул в бумажку с номером комнаты, где ему назначили встречу.

В-2 340.

Отыскав нужную дверь с матовым стеклом, Юрий постучал. По стеклу промелькнула тень, и дверь распахнулась.

– Доктор Раев? Спасибо, что пришли.

На пороге стоял молодой мужчина азиатской внешности в белом лабораторном халате, из-под которого выглядывали синие джинсы. На его темечке, стеклами вверх, красовались очки, словно он их там забыл. У одной стены стоял незатейливый стол, вдоль противоположной выстроился ряд железных клеток. В пространство между прутьями время от времени высывались влажные черные носы, из клеток доносилось шуршание и царапанье маленьких когтей. Лабораторные крысы. Только эти были безволосыми, если не считать усов.

Доктор Чен провел его к открытой двери в задней части комнаты. За ней располагался кабинет, в котором царил форменный кавардак: стальной стол был завален книгами записей, белая доска изрисована квадратиками с напоминаниями о том, что предстоит сделать, шкаф забит стеклянными банками со всевозможными образцами.

Юрий был удивлен, увидев знакомую фигуру, ссутулившуюся за столом. Человек говорил по сотовому телефону. В этом пятидесятилетнем мужчине без труда угадывались шотландские корни: массивное сложение, красные щеки и рыжая с сединой борода – аккуратно подстриженная и скрывающая выступающую вперед нижнюю челюсть. Он возглавлял группу «Ясонов», выделенную в помощь русским, а также являлся коллегой и давним другом доктора Арчибальда Полка.

Доктор Трент Макбрайд.

– Он только что вошел, – проговорил Макбрайд в трубку, приветственно кивнув Юрию. – Я всех проинструктирую примерно через час.

Он закрыл телефон, встал и протянул Юрию руку.

– Мне сообщили новые детали в связи с вашей ситуацией. Учитывая нестабильное состояние девочки, это дело первостепенной важности. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти ребенка.

Юрий пожал американцу руку и сел на стул. Он хоть и был удивлен, но при этом испытывал облегчение, обнаружив здесь Макбрайда. Под обычной для того маской добродушной бравады таился острый, практичный ум.

– Значит, вы понимаете, насколько важно отыскать ее, причем как можно скорее? – спросил Юрий.

Макбрайд кивнул и задал встречный вопрос:

– Как долго девочка может продержаться без своих лекарств?

– Тридцать два часа.

– А последняя инъекция была сделана...

– Семь часов назад, – мрачно ответил Юрий.

Значит, чтобы найти Сашу, остается чуть больше суток.

– В таком случае нам придется поторапливаться, – сказал Макбрайд. – Как вы можете догадаться, Мэпплторп уже звонил мне. Собственно говоря, именно по этой причине я приехал сюда лично.

– Я думал, вы находитесь в Женеве. Разве вы не приняли решение уйти со сцены и оставаться за кулисами?

– Лишь до тех пор, пока не будет разрешен вопрос с Арчибальдом. – Его взгляд, направленный на Юрия, стал жестким. – Теперь это произошло, но исход мог бы быть и получше.

– Вы не хуже меня знаете, что доктор Полк не прожил бы и нескольких дней. Я должен был сделать то, что сделал.

Макбрайд немного смягчился.

– И, как вы помните, я голосовал против того, чтобы привлечь доктора Полка к исследованиям.

Макбрайд откинулся на спинку кресла, которое жалобно скрипнуло под его внушительным весом.

– Я искренне верил в то, что Арчибальд будет более сговорчивым, особенно после того, как познакомится с проектом поближе. В конце концов, этот проект является продолжением работы, которой он посвятил всю свою жизнь. И, учитывая опасность, которую доктор стал собой представлять, единственным выходом было...

Американец печально развел руками.

Доктор Полк подобрался слишком близко к самому сердцу проекта. Даже Макбрайд не знал, насколько близко. В их распоряжении оставалось лишь два варианта: либо завербовать его, либо уничтожить.

Вербовка провалилась, причем – с катастрофическими последствиями. Будучи привезен в Муравейник, Полк бежал оттуда, прихватив с собой важную улику и сверхсекретные сведения. Им не оставалось ничего другого, кроме как ликвидировать его.

– Я весьма сожалею по поводу Арчибальда, – проговорил Юрий.

Это было правдой. Смерть доктора, хотя и являлась трагической необходимостью, стала при этом невосполнимой утратой. Профессор в одиночку добился огромных успехов и был готов обнародовать достижения, которые русские хранили в строжайшем секрете от американцев. В конце концов и те и другие осознали, насколько полезен был доктор Полк.

И до его похищения, и после.

– Что касается пропавшей девочки... – заговорил Юрий, но Макбрайд его перебил:

– Насколько я понимаю, она – один из объектов вашей программы «Омега»?

Юрий утвердительно кивнул.

– Ее эффективность доходит до девяноста семи процентов. Она жизненно необходима для нашей программы. Да и для вашей тоже. Боюсь, Мэплторп не понимает, насколько деликатным должен быть баланс, чтобы сохранить омега-субъект живым и дееспособным.

Макбрайд потер переносицу.

– Во время нашего телефонного разговора Мэплторп высказал предположение относительно того, что, возможно, нам стоит отловить ребенка самостоятельно и для собственных нужд.

– Чего-то в этом роде я от него и ожидал.

За спиной Юрия дверь кабинета открылась, и он услышал, как доктор Чен кого-то приветствует – сухо и формально. Он повернул голову и с ужасом увидел, как в комнату входит предмет их разговора. Выражение обвисшей физиономии Мэплторпа было даже более кислым, нежели обычно. В душе Юрия зашевелились самые дурные предчувствия.

Макбрайд встал.

– А, Джон! Мы как раз говорили о вас. Улыбнулась ли вашей команде удача в возвращении похищенного черепа?

– Нет, хотя мы облазили оба музея – от подвала до чердака.

– Странно, – произнес Макбрайд, нахмурившись. – А относительно девочки какие-нибудь новости имеются?

– В небе барражируют вертолеты, прочесывая город квадрат за квадратом. Пока – ничего. И сигнал от следящего устройства до сих пор не поступал.

– Следящее... Какое следящее устройство? – вскинулся Юрий.

Макбрайд обошел стол и, подойдя к Юрию, поднес к его лицу сжатый кулак. Когда он разжал пальцы, на его ладони лежал крохотный предмет, чуть больше булавочной головки. Юрию пришлось наклониться ближе, чтобы рассмотреть его.

– Чудо нанотехнологий, – сказал Макбрайд. – Пассивный микропередатчик с короткоимпульсным аттенуатором и стерильным полимерным корпусом. Во время последнего посещения Муравейника я ввел такие устройства всем детям.

Юрий ничего не знал о подобных имплантациях, но, с другой стороны, даже ему говорили далеко не все.

– Мартова одобрила введение этих следящих устройств?

Макбрайд посмотрел на Юрия и вздернул бровь, словно говоря: «Вы же умный человек, доктор Раев!» Юрий понял: Савина ничего не знает об этом. Макбрайд ввел детям крохотные приборы по собственному почину, втайне от всех остальных. Юрий имел постоянный и неограниченный доступ к детям, но при этом сам находился под постоянным наблюдением.

Он смотрел на передатчик. Тот был настолько мал, что ввести его в организм или тело человека можно было сотней способов.

Но для чего Макбрайду...

Мозг Юрия лихорадочно анализировал различные возможности, вероятности и последствия. Макбрайд, должно быть, действительно ввел передатчики всем детям. После этого ему оставалось лишь активировать соответствующий сценарий, чтобы один или несколько детей покинули гнездо.

Перед внутренним взглядом Юрия возникло лицо Арчибальда Полка в последние секунды его жизни, и тут же осознание страшной истины сразило его, как удар в солнечное сплетение.

– Это все было подстроено, – выдохнул Юрий. – Побег доктора Полка...

– Очень хорошо, – улыбнулся Макбрайд, как учитель, довольный успехами ученика.

Тень Мэпплторпа наковальной упала на Юрия.

Его одурачили.

Он посмотрел на Макбрайда.

– Вы были в Муравейнике, когда Арчибальд сбежал. Это вы организовали его побег!

Последовал кивок.

– Нам было необходимо извлечь одного из ваших омега-субъектов на свет божий.

– Вы использовали доктора Полка в качестве наживки. Вашего друга и коллегу!

– К сожалению, это было необходимо.

– А он... Арчибальд знал, что его используют?

Макбрайд устало вздохнул.

– Я думаю, он мог подозревать, хотя... выбирать ему было не из чего. Либо умри, либо пройди сквозь строй. Иногда приходится быть патриотом помимо собственной воли. И должен сказать, у него это получилось отлично. Он почти добежал до финиша.

– И все это для того, чтобы похитить ребенка?

Макбрайд снова помассировал переносицу.

– Мы подозревали, что вы, русские, что-то скрываете. Разве не так?

Лицо Юрия оставалось бесстрастным. Это было правдой, но он не знал масштабов того, что скрывали от американцев.

– Мы используем этого ребенка, чтобы начать собственную программу здесь, в Соединенных Штатах. Чтобы детально изучить все, что вы с ним сделали. Невзирая на наши многочисленные запросы, ваша группа так и не представила нам детализированного отчета. Вы с самого начала утаивали от нас наиболее важные данные.

«Не только данные, а еще и планы».

Вслух Юрий спросил:

– Как же быть с лекарствами для Саши?

– Этот вопрос мы решим. С вашей помощью, разумеется.

– Никогда, – мотнул головой Юрий.

– Я боялся, что вы это скажете.

Движение глаз Макбрайда заставило Юрия обернуться.

Мэпплторп держал в руке пистолет.

Выстрел был сделан в упор.

21 час 45 минут

Грей был не из тех, кто легко верит в совпадения. Двое ученых, работающих над одним и тем же проектом, пропадают одновременно, а затем один из них появляется в Вашингтоне – подвергшийся радиоактивному облучению и находящийся на пороге смерти.

Он потерял болевшие виски.

– Элизабет, все это должно быть каким-то образом связано с первоначальными исследованиями вашего отца.

– Верно, – кивнул Пейнтер. – Вопрос в другом: какая тут связь? Если бы мы располагали дополнительными деталями... Возможно, чем-то, чего нет в записях вашего отца.

Его слова повисли в воздухе.

Элизабет опустила глаза. Ее руки были крепко стиснуты и лежали на коленях. Видимо, осознав, насколько она напряжена, женщина разжала пальцы и выпрямила их.

– Не знаю, – пробормотала она. – В последние годы мы... мало разговаривали. Ему не очень нравилось, что я решила заняться антропологией. Он хотел, чтобы я пошла по его... – Она тряхнула головой. – Не обращайтесь внимания.

Грей налил в чашку горячий кофе и передал женщине. Она взяла ее с благодарным кивком, но пить не стала, а просто держала, сжав обеими руками, словно согревая ладони.

– Но по всей видимости, он был не так уж недоволен вашим выбором профессии, если выхлопотал для вас место в греческом музее, – предположил Грей.

Она покачала головой.

– Его помощь была вовсе не бескорыстной, как может показаться на первый взгляд. Отца всегда очень интересовал Дельфийский оракул. Женщины-прорицательницы отлично вписывались в его исследования инстинктов и интуиции. Он считал, что они представляли собой некую генетическую общность и им было присуще какое-то общее врожденное качество. Или же – врожденная неврологическая аномалия. Так что, как видите, отец пристроил меня в Дельфийский музей только для того, чтобы я помогла ему в его изысканиях.

– Но в чем именно заключались эти изыскания? – спросил Грей, пристально глядя на женщину. – Нам могла бы помочь любая информация, которой вы готовы поделиться.

Она вздохнула.

– Я могу рассказать вам, с чего началась одержимость отца вопросами интуиции и инстинктов. – Взгляд Элизабет был устремлен в пространство между двумя сидевшими напротив нее мужчинами. – Вам что-нибудь известно о первых опытах в области интуиции, которые проводились русскими?

Мужчины отрицательно помотали головами.

– Это был ужасный по жестокости эксперимент, но он полностью укладывался в русло отцовских умозаключений. Лет двадцать назад русские забрали у кошки ее недавно родившихся котят, а затем поместили их на борт подводной лодки, которая вышла в море и опустилась на значительную глубину. Контролируя основные жизненные показатели кошки, моряки убили одного котенка. В тот самый момент, когда это случилось, у кошки участилось сердцебиение, подпрыгнуло давление, а в мозгу была зафиксирована острая боль. Кошка впала в состояние возбуждения, казалась растерянной. В течение следующих дней один за другим были убиты остальные котята, и каждый раз кошка реагировала аналогичным образом. Хотя от котят ее отделяло большое расстояние, она чувствовала смерть каждого из них.

– Разновидность материнского инстинкта, – сказал Грей.

– Или интуиции, – кивнула Элизабет. – Как бы то ни было, для отца это стало доказательством существования некоей биологической связи. Он сконцентрировал усилия на том, чтобы, опираясь на неврологию, найти научный базис для этого странного феномена. Через некоторое время он объединил усилия с одним профессором в Индии, изучавшим аналогичные способности у индийских йогов и мистиков.

– Какие способности? – уточнил Пейнтер.

Элизабет сделала глоток горячего кофе и сокрушенно покачала головой.

– Отец увлекся чтением всяких идиотских историй, которые рассказывали люди с так называемыми особыми психическими способностями. Он выискивал разных психов и шарлатанов, собирал случаи, в подтверждение которых имелись хоть какие-то доказательства, а также те редкие случаи, о которых свидетельствовали настоящие ученые вроде Альберта Эйнштейна.

Грей не смог скрыть удивления.

– Эйнштейна?

Она кивнула.

– На переломе веков по многим университетам мира возили индийскую женщину по имени Шакунтала, демонстрируя ее удивительные способности. Имея всего лишь среднее образование, она демонстрировала необычайные математические навыки, производя в уме сложнейшие вычисления.

– Что-то вроде дара саванта? – спросил Пейнтер.

– Это было нечто большее. Женщина стояла с мелом у доски и начинала писать ответ раньше, чем был задан вопрос. Даже Эйнштейн стал свидетелем и подтвердил этот ее талант. Он задал ей вопрос, на решение которого, включая сложную многоступенчатую систему расчетов, у него самого ушло три месяца, и опять – раньше, чем он закончил говорить, – она уже писала ответ, занявший всю поверхность доски. Эйнштейн спросил женщину, как у нее это получается, на что она ответила: «Цифры просто возникают у меня перед глазами, а я всего лишь записываю их».

Элизабет смотрела на мужчин, ожидая недоверчивых комментариев, но Грей только кивнул ей, предлагая продолжить рассказ. Его уступчивость уже начинала раздражать. Ей казалось, что, если бы он отмел все эти истории, назвав их враньем, это помогло бы ей укрепиться в каком-то своем внутреннем убеждении.

– Были и другие случаи, – продолжала она, – и тоже в Индии. Один мальчик-рикша мог отвечать на математические вопросы, даже не слыша самого вопроса. Он объяснял, что, когда рядом с ним оказывался кто-то, желающий задать ему такой вопрос, его внезапно охватывало возбуждение и ответы сами выстраивались в его мозгу, «как солдаты». Его впоследствии отвезли в Оксфорд и подвергли тщательному изучению. Доказывая свои способности, он решал математические задачи, которые в то время еще не имели решения. Ученые Оксфорда фиксировали результаты. Спустя десятилетия, когда математика поднялась на новый уровень, все его ответы были проверены и оказались правильными. Но к тому времени мальчик успел состариться и умереть.

Элизабет поставила на столик чашку с кофе.

– Как бы поразительны ни были эти случаи, они лишь приводили отца в иступление. Ему были нужны живые, а не давно умершие объекты для исследований. И вот, продолжая собирать различные невероятные истории, он обнаружил, что многие из них имели место в Индии, среди тамошних йогов и мистиков. К тому времени другие ученые уже подвели физиологический базис под удивительные способности йогов. Такие, например, как способность на протяжении нескольких дней выдерживать сверхнизкие температуры путем регулирования притока крови к коже и конечностям. Или – на протяжении месяцев существовать без пищи посредством снижения интенсивности обмена веществ.

Грей кивнул со знанием дела. Он изучал многие труды, посвященные йогам. Они добились столь фантастических результатов с помощью психического контроля, вторгаясь в те функции организма, которые, как принято считать, не зависят от воли человека.

– Отец с головой погрузился в индийскую историю, язык и даже древние ведические тексты пророчеств. Он нашел опытных йогов и стал изучать их. Исследования включали в себя анализы крови, электроэнцефалографию, картирование мозга и даже анализ ДНК с целью проследить генетическую линию наиболее одаренных из этих людей. В итоге ему удалось доказать, что в мозгу существует некая органическая основа для того, что продемонстрировали русские с помощью своего эксперимента на маме-кошке.

Пейнтер поерзал на диване.

– Неудивительно, что Арчибальда привлекли к стэнфордскому проекту. Его исследования как нельзя лучше отвечали поставленным перед ними целям.

– Но почему отца убили из-за них? Он занимался этим много лет назад. – Элизабет встретила взглядом с Греем. – И при чем тут этот странный череп?

– Пока нам это не известно, – ответил Пейнтер, – но к утру мы будем знать о черепе гораздо больше.

Грей очень надеялся, что так оно и будет. В «Сигму» уже была вызвана целая команда экспертов, которые должны были изучить непонятный предмет. Грей с неохотой отдал череп, чтобы его переправили в центральную штаб-квартиру. В каком-то смысле череп являлся ключом ко всей этой загадке, и Грею не хотелось отдавать его в чужие руки.

Их беседу прервал стук в дверь.

Пейнтер резко обернулся, Ковальски встал, держа в руке ботинок.

Грей тоже поднялся с дивана, расстегнул кобур и вытащил полуавтоматический пистолет. Перед домом несли дежурство двое охранников в штатском. Если бы возникли какие-то проблемы, они сообщили бы об этом по рации. Зачем же стучать в дверь?

Жестом он велел всем отойти в глубь комнаты, а сам подошел к двери и встал сбоку от нее, рядом с небольшим монитором, разделенным на четыре квадрата. В каждом из них транслировалось изображение с четырех внешних и внутренних видеокамер наблюдения. В верхней левой секции было видно, что происходит непосредственно за дверью.

Там, в нескольких шагах от двери, стояли две фигуры.

Тощий мужчина в красной ветровке держал за руку маленького ребенка. Девочку. Она теребила красную ленточку, которой были стянуты ее волосы. В поведении мужчины Грей не увидел ничего угрожающего. В другой руке незнакомец сжимал лист плотной желтой бумаги. Он наклонился, просунул его под дверь и подтолкнул. Лист скользнул по натертому деревянному полу и застыл прямо у ног Грея.

Грей смотрел на детский рисунок, сделанный черным карандашом. Штрихи были грубыми, но на рисунке безошибочно угадывалась главная комната его конспиративной квартиры. Там были нарисованы и четыре человеческие фигуры: две сидели на диване, одна – на стуле, а четвертая, самая большая, очевидно Ковальски, стояла у камина с ботинком в руке. Это был детский рисунок той самой комнаты, в которой они сейчас находились, и их самих.

Грей снова посмотрел на монитор. Его внимание привлекло какое-то движение на трех других секторах экрана. В поле зрения оказались мужчины, также одетые в ветровки. Грей видел, как они взяли на мушку появившихся охранников.

Ковальски подошел и встал рядом с Греем. Он понаблюдал происходящее на мониторе, а затем вздохнул.

– Здорово! – проговорил он. – Вы что, разместили адреса наших конспиративных укрытий в Интернете?

Снаружи охранников заставили опуститься на колени.

Дом был окружен. Они оказались в западне.

На другом конце света человек по имени Монк искал собственный путь к свободе.

Пока трое детей сторожили у входа в палату, он натянул темно-синий комбинезон, подхитивший по цвету к рубашке с длинными рукавами, которая уже была на нем. С одной рукой сделать это оказалось не так-то просто. На стуле осталась шерстяная вязаная шапочка и толстые носки. Он натянул шапочку на бритую голову, а носки – на ноги. Затем надел ботинки – удобные, но сильно поношенные и растрескавшиеся.

Одеваясь, он пытался вспомнить хоть что-то о себе и своей прошлой жизни, но у него ничего не получалось. Память хранила лишь то, что произошло после его пробуждения в этой комнате. Хорошо хоть процесс одевания помог ему обрести равновесие и почувствовать себя более уверенно в вертикальном положении.

Одевшись, он подошел к старшему из детей, Константину, стоявшему у двери. Она была металлической и имела засов с внешней стороны. Основательность двери подтвердила, что он являлся узником, а то, что происходило сейчас, стало быть, являлось побегом.

Самый младший из малолетней троицы, Петр, взял Монка за руку и потащил за собой по коридору подальше от света, горевшего на посту дежурной медсестры. Он вспомнил просьбу, с которой обратился к нему этот малыш.

«Спаси нас».

Монк не понимал: от чего? Девочка, которую, судя по всему, звали Киска, привела их к задней лестнице, отмеченной красным неоновым знаком. Пройдя под ним и оказавшись на ступеньках, Монк поднял голову и посмотрел на него. Надпись на знаке была сделана на кириллице.

Итак, он в России. Пусть память оказалась стертой, Монк точно знал: он не отсюда. Он думал на английском, причем без языковых особенностей, характерных для обитателей Британских островов. Это означало, что он должен быть американцем. Или нет? Если он мог понять все это, почему у него не получалось...

Внезапно его ослепил целый каскад образов, словно фотографии из другой жизни одна за другой стали вспыхивать в его мозгу.

Улыбка... Кухня, и кто-то стоит спиной к нему... Стальное, острое лезвие топора, блиснущее на фоне голубого неба... Огоньки, поднимающиеся из глубин темной воды...

А затем все исчезло.

У него закружилась голова. Он хотел ухватиться за перила, но инстинктивно попытался сделать это искалеченной рукой. Культя скользнула по поручню, и он с трудом удержал равновесие. Взглянув на культю, он вспомнил одно из видений, посетивших его только что.

Стальное, острое лезвие топора, блиснущее на фоне голубого неба...

Может, это произошло именно так?

Двое старших ребяташек находились впереди, спускаясь по лестнице, и только малыш все так же сжимал его здоровую руку. Он смотрел на Монка глазами такого голубого цвета, что они казались почти белыми. Маленькие пальчики сжимали его пальцы, словно пытались приободрить, вселить в него уверенность.

Мальчик мягко потянул его за собой, и он, оступаясь, двинулся следом за остальными.

На лестнице им не встретилось ни одной живой души, и под конец они вышли через заднюю дверь, окунувшись в безлунную, темную ночь. Холодный воздух был неподвижным и влажным. Монк сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоить отчаянно бьющееся сердце.

Слышалось низкое гудение генератора. Монк оглядел здание больницы, состоявшее из двух пятиэтажных башен, соединенных между собой более низкими корпусами.

– Идем. Сюда, – проговорил Константин, принимая командование на себя.

Они рысцой побежали по выложенной брусчаткой аллее, тянувшейся между зданием больницы и стеной высотой не менее шести метров по левую сторону от них. Монк огляделся, пытаясь сориентироваться. За стеной горели несколько фонарей, освещающая черепичные крыши невидимых построек. Добежав до угла, они завернули за него. Аллея сменилась неровной каменной тропинкой – влажной и скользкой. Здесь, на заднем дворе, освещения не было. Монк сумел разобрать лишь то, что стена, вдоль которой они бежали и по которой скользила его рука, была сооружена из бетонных блоков. По грубым выступам цементного раствора и неровной кладке он определил, что строили ее в спешке.

До его слуха донесся жуткий вой. За ним последовал приглушенный лай и пронзительные крики.

Его ноги сами замедлили бег. Животные. Это что, зоопарк?

Словно прочитав его мысли, высокий мальчик, бежавший первым, обернулся и одними губами произнес: «Зверинец», а затем махнул рукой, призывая двигаться дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.